

Третье дополненное издание

НОВАЯ ГЛАВА
«В поисках
дочери Чехова»

18+

ЖИЗНЬ АНТОНА ЧЕХОВА

ДОНАЛЬД РЕЙФИЛД

Персона (Азбука-Аттикус)

Дональд Рейфилд
Жизнь Антона Чехова

«Азбука-Аттикус»

1997, 2018, 2023

УДК 821.161.1.0+929
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Рейфилд Д.

Жизнь Антона Чехова / Д. Рейфилд — «Азбука-Аттикус», 1997, 2018, 2023 — (Персона (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-09110-8

«Три года, проведенные в поисках, расшифровке и осмыслении документов, убедили меня в том, что ничего в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опозлить Чехова. Результат как раз обратный: сложность и глубина фигуры писателя становятся еще более очевидными, когда мы оказываемся способны объяснить его человеческие достоинства и недостатки» – такова позиция автора книги, известного британского литературоведа, профессора Лондонского университета Дональда Рейфилда. Уникальное по своей масштабности биографическое исследование представляет собой исчерпывающее жизнеописание Антона Павловича Чехова. Написанное легко и непринужденно и в то же время академично, оно является настоящей сенсацией. В настоящее издание впервые включена глава «В поисках дочери Чехова» – результат новых многолетних исследований именитого автора.

УДК 821.161.1.0+929
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

ISBN 978-5-389-09110-8

© Рейфилд Д., 1997, 2018, 2023
© Азбука-Аттикус, 1997, 2018, 2023

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	9
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дональд Рейфилд Жизнь Антона Чехова

Donald Rayfield
ANTON CHEKHOV: A LIFE

© Donald Rayfield 1997, 2018, 2023
© Макарова О., перевод на русский язык, 2005, 2007, 2014
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
КоЛибри®

* * *

Але, Гале, Майе и Толе

Художник

*Хрустя по серой гальке, он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжел.*

*Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опушена косица,
Нога – как трость... Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»*

*Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его – как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как желт огонь, как бел на синем дом.*

*«С крыльца с кадилом сходит толстый поп,
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Защелкает, взовьется от забора –
И ну плясать и стучать клювом в гроб!»*

*В груди першит. С шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая,
Он снял пенсне и думает, перхая:
«Да-с, водевиль... Всё прочее есть гиль».*

Иван Бунин, 1908

Предисловие

Антон Павлович, как-то обедая у меня, сказал, что «со временем все его вещи должны увидеть свет и что ему стыдиться нечего».
П. В. Быков – М. П. Чеховой, письмо от 7.04.1910

Мы знаем Антона Чехова как отца-основателя современного театра, в котором главенствует драматург, а не актер. Мы также признаем, что он внес в европейскую художественную прозу по-новому осмысленную неоднозначность, плотность текста и тонкую поэтичность. Из всех русских классиков он наиболее доступен и понятен, особенно для иностранцев, – как в книгах, так и на сцене. Он оставляет за читателем или зрителем право реагировать, как им заблагорассудится, и делать собственные выводы. Он не навязывает никакой философии. Однако Чехов столь же доступен, сколь и неуловим. Понять, что он «имел в виду», совсем непросто, – так редко он раздает оценки или что-либо объясняет. Из прозы Толстого или Достоевского мы можем реконструировать не только их философию, но также их жизнь. Из чеховских произведений, включая письма, мы извлекаем лишь мимолетные и противоречивые впечатления о его внутреннем мире и житейском опыте. Многие чеховские биографы стремились воссоздать из подручного материала житие святого – человека, который за свой век, укороченный хронической болезнью, из бедняков проложил себе путь наверх, стал врачом и заботился о слабых мира сего, завоевал прижизненную славу крупнейшего прозаика и драматурга Европы, провел всю жизнь под опекой обожавшей его сестры и нашел запоздалое счастье в браке с актрисой, тонко трактовавшей роли в его пьесах.

Любая биография – это вымысел, который тем не менее должен быть увязан с документальными данными. В нашем жизнеописании Чехова предпринята попытка расширить пределы привлекаемых источников. В результате фигура писателя стала еще более неоднозначной. И хотя ореол его святости померк, а судьба, как оказалось, определилась внешними силами в большей мере, чем считалось ранее, ни гениальности, ни очарования в Чехове не убавилось. Не следует смотреть на его жизнь как на придаток его творчества – именно она питала его прозу.

Сама по себе жизнь Чехова захватывающе интересна. Его постоянно тяготила непримиримость интересов художника с обязательствами перед семьей и друзьями, а биография вместила множество различных глав – в них можно проследить историю болезни, найти современную версию сюжета «Иосиф и его братья» и даже трагедию Дон Жуана. Жизнь Чехова всего бы лучше описал Томас Манн, создав роман о непреодолимой пропасти, разделяющей художника и гражданина. В ней также отразились жизненные коллизии талантливой и чуткой интеллигенции конца девятнадцатого века – одного из самых насыщенных и противоречивых периодов в культурно-политической жизни России.

Весьма немногие писатели охраняли от публики свою частную жизнь столь ревностно, как это делал Чехов. И ни один из них столь же скрупулезно не собирал буквально все клочки бумаги – письма, счета, расписки, – имеющие отношение к нему и его семье. Вместе с тем его пресловутая неприязнь к автобиографиям отнюдь не мешала ему каждый год в Рождество рассортировывать по папкам свою переписку.

Нам известны несколько чеховских биографий. Одни из них весьма подробны – это «Чехов. Биография» Е. Симмонза или «Новая жизнь Антона Чехова» Р. Хингли, другие излишне живописны, как «Чехов» А. Труайя, или уравновешенны в суждениях, как «Чехов» М. Громова или «Чехов: освобожденный дух» В. Притчета. Во всех этих книгах используется примерно один и тот же круг источников. На сегодняшний день опубликовано около пяти тысяч писем Чехова, причем иные из них – с безжалостными купюрами. (О содержании утра-

ченных полутора тысяч писем можно судить по ответам на них.) Эти источники, особенно полное собрание сочинений и писем Чехова в 31 томе, опубликованное в Москве в 1973–1983 гг., снабжены в высшей степени исчерпывающим и информативным академическим аппаратом, дающим в руки исследователю богатый и многообразный материал.

Не введенные в оборот источники не менее обширны. В архивах, и прежде всего в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, хранится около семи тысяч писем, адресованных Антону Чехову. Примерно половина из них никогда не упоминалась в печати – это прежде всего письма, затрагивающие частную жизнь писателя. Другие архивы, такие как РГАЛИ, театральные хранилища Санкт-Петербурга и Москвы, музеи Чехова в Таганроге, Мелихове и Сумах, располагают неохватным документальным и изобразительным материалом, а также письмами современников, проливающими свет на частную и творческую жизнь писателя. Как видно из листков использования рукописей, за последние тридцать лет лишь небольшой круг исследователей тщательно ознакомился с этими источниками, и вместе с тем в своих публикациях они используют весьма незначительную их долю. Советская традиция избегать «дискредитации и опошления» образа писателя (формулировка из постановления Политбюро ЦК КПСС, запрещающего публикацию некоторых чеховских текстов) и по сей день вселяет в российских ученых сомнения в необходимости предъявлять публике чеховские архивы во всей их полноте. Три года, проведенные в поисках, расшифровке и осмыслении документов, убедили меня в том, что ничто в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опошлить Чехова. Результат как раз обратный: сложность и глубина фигуры писателя становятся еще более очевидными, когда мы оказываемся способны объяснить его человеческие достоинства и недостатки.

Жизнь Чехова была короткой, трудной и не такой уж радостной. У него был обширный круг знакомств и было множество любовных связей (и мало истинных друзей и любимых женщин). Он вращался в самых разных сферах, имея дела с учителями, врачами, денежными магнатами, купцами, крестьянами, представителями богемы, литературными поденщиками, интеллектуалами, художниками, учеными, землевладельцами, чиновниками, актерами и актрисами, священниками, монахами, офицерами, заключенными, публичными женщинами и иностранцами. Он прекрасно ладил с людьми всех классов и сословий, испытывая неприязнь, пожалуй, лишь к аристократии. Практически всю свою жизнь он прожил с родителями и сестрой и долгое время с кем-либо из братьев, не считая тетюшек, кузин и кузенов. Он был непоседой: сменил множество адресов и проехал от Гонконга до Биаррица и от Сахалина до Одессы.

Работа над самой полной чеховской биографией по срокам могла бы превысить жизнь самого писателя. Я позволил себе сосредоточиться на его взаимоотношениях с семьей и друзьями. В некотором смысле биография Чехова – это история его болезни. Туберкулез определил течение жизни писателя, и он же оборвал ее. Попытки Чехова сначала игнорировать болезнь, а затем побороть ее составляют основу любой из его биографий. На английском языке о чеховском творчестве написано много критических работ. Обращение к ним объясняется прежде всего масштабом самого писателя. В любом хорошем книжном магазине или библиотеке найдется немало книг, способствующих более полному восприятию писательского таланта. В нашей книге его рассказы и пьесы затрагиваются в той мере, в какой они вытекают из событий чеховской жизни или воздействуют на нее. Биография не есть литературно-критическая штудия.

Не все загадки жизни Чехова могут быть раскрыты, и многих материалов нет в наличии: письма Чехова к невесте Дуне Эфрос, к Елене Плещеевой, к Эмили Бижон, весьма возможно, хранятся в частных западных собраниях. Так же вероятно, что сотни писем А. С. Суворина к Чехову обращаются в прах в каком-нибудь архиве Белграда; если бы их удалось найти, то чеховскую жизнь, а также российскую историю (Суворин слишком много знал и многое пове-

рял Чехову) можно будет переписывать заново. Некоторые архивные документы Чехова обнаружить так и не удалось, например материалы, связанные с его занятием медициной. Вместе с тем источники, попавшие в наше распоряжение, позволяют создать более полный портрет писателя, чем предыдущие попытки.

*ДОНАЛЬД РЕЙФИЛД
Колледж королевы Марии,
Лондонский университет
Февраль 1997*

Благодарности

Моя самая горячая признательность адресуется Алевтине Павловне Кузичевой – оказанная ею помощь значительно облегчила мне работу в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, и через нее же я познакомился со всеми крупнейшими чеховедами России и Украины. Я также благодарен сотрудникам РНБ, и особенно отдела рукописей, которые, несмотря на практически невозможные условия работы в разрушающемся здании и безрадостные перспективы, смогли обеспечить меня почти всем необходимым материалом – за подобное содействие я благодарю и сотрудников РГАЛИ. Я признателен сотруднице московского Дома-музея А. П. Чехова Галине Щёболевой и сотруднику Музея А. П. Чехова в г. Сумы Игорю Скворцову за возможность широко пользоваться архивами. Я также чувствую себя особым должником перед таганрожцами Лизой Шапочкой и ее мужем Владиславом Протасовым – за их гостеприимство и советы. Ольга Макарова из Издательства Воронежского университета помогла мне, предоставив чеховский краеведческий материал. Из своих западных коллег я прежде всего благодарен за поддержку неутомимому профессору Рольфу Дитеру Ключе, организатору чеховских конференций в Баденвейлере в 1985 и 1995 гг. Я также выражаю благодарность уфимцу Дмитрию Коновалову не только за предоставленную возможность воспользоваться материалами Андреевского санатория в Аксенове, но и за оказанный мне теплый прием. (Никто из упомянутых мною коллег не несет ответственности за высказанные мною суждения и реализуемый подход к биографии Чехова в целом.)

Я также признателен главному врачу районной больницы бывшего Богимова и персоналу Андреевского санатория. За исключением Сибири, Сахалина и Гонконга, я посетил, пожалуй, все места, куда ступала чеховская нога, и, возможно, причинил изрядное беспокойство их обитателям. Я ценю терпение, проявленное в общении со мной потомками чеховских друзей, и прежде всего Патрисом Бижоном. (Немало людей вздохнут с облегчением, узнав, что работа над книгой завершена.) За предоставленные иллюстрации я благодарю московский Театральный музей им. Бахрушина, чеховские музеи в Мелихове, Москве, Сумах, Таганроге и Ялте, а также Пушкинский Дом в Санкт-Петербурге и РНБ.

Я весьма обязан финансовой поддержке Британской академии: благодаря предоставленному мне трехмесячному гранту я смог продлить творческий отпуск и значительно продвинуться в создании книги. Своим коллегам по университету, которые были вынуждены мириться с моими частыми отлучками, я приношу благодарности и извинения.

Постскрипtum 2007 г. Автор и переводчик выражают признательность С. Г. Шинской, а также всем читателям, которые, уделив заинтересованное внимание русскому тексту книги, предложили ряд поправок, учтенных нами в настоящем издании.

Обновленный русский текст книги использует поправки и дополнения, внесенные во французское издание (*Éditions Louison*, Париж, 2018). Занимаясь этим переводом, мы с Надин Дюбурвьё (Nadine Dubourvieux) и Агатой Пельтеро-Вильнёв (Agathe Peltreau-Villeneuve) тщательно сверили английский подлинник с русским переводом, проверили все имена и даты по архивным источникам, а также включили новые и лучше расшифрованные материалы. Благодаря добросовестному и проницательному изучению текста двумя переводчиками в сотрудничестве с автором книга значительно улучшилась.

Новое издание 2024 г. значительно расширено новыми фактами и, главным образом, дополнительной главой «В поисках дочери Чехова». Благодарю коллег и друзей, которые согласились копаться в русских, латышских, сербских и французских архивах и передавать мне новые материалы: Ирину Антанасиевич, Младена Весковича, Майю Волчкевич, Петра Дружи-

нина, Фатиму Елоеву, Наталью Ефимову, Андрею Лесич, Томаса Лесича, Миролюба Миличича, Бориса Равдина, Ивану Тошковиц. Я многим обязан архивистам Белградского медицинского факультета, Жупского краеведческого музея и Петербургского Исторического архива.

Благодарю Ану Добладо из «Едиссионес Плот» за поправки к испанскому переводу, которые вношу и в это русское издание. Я обязан Андрею Рабенеку за новые сведения о братьях Рабенек и их связях с Чеховым и семьей Книппер.

За последние годы появились несколько русских публикаций, которые позволяют читателю изучать архивные материалы у себя дома. Среди них выделяю:

А. Алферьева и другие. «Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А. П. Чехова». Таганрог, 2003.

Л. Громова-Опупьская, А. Кузичева и другие (ред.). Летопись жизни и творчество А. П. Чехова. М., 2000—... (4 тома, 1860–1898, издание продолжается).

Е. М. Гушанская, И. С. Кузьмичева. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка. М., 2012.

З. П. Удальцова. Ольга Книппер, М. П. Чехова. Переписка. В 2 т. М., 2016.

М. Т. Дроздова. «Воспоминания о Чехове. Переписка с Чеховыми». М., 2020.

Часть I

Отец человеков

Мы слышали крики, доносящиеся из столовой... и догадывались, что это бьют беднягу Эрнеста.

«Я отправил его спать, – сказал Теобальд, вернувшись в гостиную. – А теперь, Кристина, пора позвать прислугу на молитву».
С. Батлер. Путь всякой плоти

Глава 1

Праотцы

1762–1860 годы

Кто бы мог ожидать, что из нужника выйдет такой гений!

Антон всегда удивлялся тому, как быстро – всего за два поколения – поднялся род Чеховых из крепостных крестьян до столичной интеллигенции. И едва ли от предков унаследовал он свой литературный дар, как брат Николай – художественные таланты, а брат Александр – многогранный интеллект. Однако начала его характера – то, что объясняет его тактичную жесткость, его выразительное немногословие, его стоицизм, – коренятся и в переданных по наследству генах, и в полученном воспитании.

Прадед писателя, Михаил Чехов (1762–1849), всю жизнь был крепостным. Своих пятирех сыновей он держал в строгости – даже взрослыми они называли его Паночи. Первым Чеховым, о котором известно чуть более, был второй сын Михаила – дед Антона со стороны отца, Егор Михайлович. Дед Егор сумел вырваться из рабских уз. Крепостной графа Д. Черткова, он родился в 1798 году в слободе Ольховатка Богучарского уезда Воронежской губернии, в самом сердце России, на полпути от Москвы до Черного моря, там, где лес переходит в степь. (Фамилия Чеховы в этих краях прослеживается до шестнадцатого века.) Он был единственным в семье, кто умел читать и писать.

Егор Михайлович варил из сахарной свеклы сахар, а жмыхом откармливал скот графа Черткова. Продавая на рынке скотину, получал свою долю прибыли. За тридцать лет тяжелого труда (порой ему везло, а порой и плутовать приходилось) Егор Михайлович скопил 875 рублей. В 1841 году он предложил эти деньги Черткову, чтобы, выкупив из крепостных себя, жену и трех своих сыновей, перейти в мещанское сословие. Чертков проявил великодушие – отпустил на волю и дочь Егора Михайловича, Александру. Родители же и братья его остались в холопах.

Получив свободу, Егор Михайлович отправился с семьей за четыреста с лишним верст на юг, в степные края. Здесь он стал управлять имением графа Платова в слободе Крепкой, в шестидесяти верстах к северу от Таганрога. Определив сыновей в подмастерья, Егор Михайлович помог им преодолеть еще одну ступень сословной лестницы – пробиться в купцы. Старший из них, Михаил (р. 1821), уехал в Калугу и освоил переплетное дело. Второму, Павлу (р. 1825), отцу Антона Чехова, к шестнадцати годам уже довелось поработать на сахарном заводе; потом он был погонщиком скота, а в Таганроге его взяли мальчиком в купеческую лавку. Младший сын, Митрофан, ходил в приказчиках у купца в Ростове-на-Дону. Любимицу отца, дочь

Александру, выдали замуж за Василия Кожевникова из деревни Твердохлебово Богучарского уезда Воронежской губернии¹².

Егор Михайлович Чехов прожил в платовском имении весь свой век – умер он восьмидесяти одного года от роду. Слыл он чудаком и был крутого нрава. Получив власть над крестьянами, обходился с ними с жестокостью, за что и заслужил прозвание Аспид. Однако не пришелся он ко двору и у господ – графиня Платова отправила его подальше от себя, за десять верст, в слободу Княжую. Егор Михайлович, которому по чину полагался барский особняк, предпочел поселиться в крестьянской избе.

Бабка Чехова со стороны отца, Ефросинья Емельяновна Шимко, с которой внуки почти не виделись, была украинкой³. Все, что Чехов связывал с украинским характером, – смешливость, певческий дар, удаль, жизнерадостность, – было выбито из нее мужем. Была она мрачна и сурова, под стать Егору Михайловичу, с которым прожила пятьдесят восемь лет, до самой своей смерти в 1878 году.

Дважды в год Егора Михайловича отряжали сопровождать в Таганрог барскую пшеницу, а заодно прикупить в городе провианта и разного приклада. О его причудах шла молва – из саржевой робы он соорудил себе парадную одежду, в которой выступал, как «подвижная бронзовая статуя». Сыновей он порол за любые прегрешения – случись им украсть яблок или упасть с крыши, пусть и нечаянно. После отцовской расправы у Павла появилась грыжа, и всю жизнь ему пришлось носить подвязку.

Позже Чехов признавался: «От природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. <...> Ведь у меня дедушка, по убеждениям, был ярый крепостник»⁴.

Егор Михайлович неплохо владел пером, и до нас дошли его слова: «Я глубоко завидовал барам, не только их свободе, но и тому, что они умеют читать». Покидая Ольховатку, он взял с собой два короба книг – едва ли в 1841 году этот поступок был типичен для крестьянина. (Однако спустя 35 лет внуки, навещавшие деда в имении Платова, не заметили в доме ни единой книги.)

Хотя Егор Михайлович и заботился о детях, но был скуп на отеческую любовь. Однако на бумаге впадал в сентиментальность и напыщенное многословие. В его письме к сыну и невестке читаем: «Любезный, тихий Павел Егорович. Не имею времени, милейшие наши деточки, через сию мертвую бумагу продолжать свою беседу за недосугами моими. Я занят уборкою хлеба, который от солнечных жаров весь засушило и изжарило. Старец Чехов льет пот, терпит благословенный солнечный вар и зной, зато ночью спокойно спит <...> а до солнца, Егорушка, ну-ну вставай, если что и не так, то нехай так, спать хочу <...> Доброжелательные Ваши родители Георгий и Ефросинья Чеховы»⁵.

Как и остальные Чеховы, Егор Михайлович поздравлял родичей с именинами и двенадцатыми праздниками, правда, в этих случаях бывал краток. Павел на день своего ангела (29 июня) в 1859 году получил послание: «Любезный Тихий Павел Егорович, Да здравствуй с милым твоим Семейством вовеки, до свидания любезные сыночки, дочки и славные внуки <...> Ваш Георгий Чехов».

¹ В Примечаниях, ссылаясь на архивный документ, мы даем сокращенное название архива (ОР – Отдел рукописей РГБ; РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства), номер фонда (первое число), номер картона (ОР) или описи (РГАЛИ, второе число), единицу хранения (третье число). Аббревиатура ПССП означает: *А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1973–1983.*

² Антон нигде не упоминает своей тетки Александры Егоровны. Среди бумаг Павла Егоровича (ОР. 331 33 1в) имеется листок с именами ее детей и зятеев.

³ В 1902 году Чехов вспоминал, что в детстве говорил по-украински, – возможно, сказалось влияние бабушки.

⁴ ПССП. Письма. Т. 11. Письмо О. Л. Книппер-Чеховой от 11.02.1903.

⁵ ОР. 331 811. Письма Е. М. Чехова П. Е. Чехову. 1859–1878.

Родня Антона по материнской линии была сходных корней и вела свое начало из Тамбовской губернии, мало чем отличавшейся от соседних воронежских краев. Природная смекалка и усердие и здесь проложили крепостным дорогу в мещане. Герасим Морозов – дед матери Антона, Евгении Яковлевны Морозовой, – водил по Оке и Волге груженные зерном и лесом баржи. В 1817 году, пятидесяти трех лет от роду, он откупил себя и сына Якова от ежегодного оброка, который крепостные платили хозяевам. Четвертого июля 1820 года Яков женился на Александре Ивановне Кохмаковой. Семейство жены было зажиточным и мастеровитым – их прекрасные деревянные поделки и иконопись пользовались спросом и у мирян, и у духовенства. Однако кровь Морозовых была подпорченной: внуки Герасима Морозова – дядя и тетя Антона – умерли от туберкулеза.

Жизнестойкости у Якова Герасимовича Морозова было поменьше, чем у Егора Михайловича Чехова, – в 1833 году, разорившись, он нашел покровительство у генерала Папкова в Таганроге; жена его Александра с двумя дочерьми обреталась в Шуе. (Сына Ивана отдали в работники к купцу в Ростове-на-Дону.) Одиннадцатого августа 1847 года сильный пожар в Шуе уничтожил восемьдесят восемь домов, и все имущество Морозовых погибло. Вскоре в Новочеркасске Яков Герасимович умер от холеры. Александра Ивановна, сложив в телегу жалкий скарб и посадив туда дочерей Феодосию (Феничку) и Евгению, отправилась за четвереста верст в Новочеркасск, делая короткие остановки в безлюдной степи. Добравшись до места, она не смогла найти ни могилы мужа, ни его пожитков. И снова она пустилась в путь, перебралась в Таганрог и тоже отдала себя на милость генерала Папкова. Генерал приютил несчастных, а Евгению и Феничку даже определил учиться грамоте.

В то время дядя Антона по матери, Иван Яковлевич Морозов, торговал в Ростове-на-Дону под началом старшего приказчика Митрофана Егоровича Чехова⁶. Кто-то из них – или Митрофан, или Иван – познакомил Павла Чехова с Евгенией Морозовой. У Павла на пальце было кольцо с печатью: «Одинокому везде пустыня». (Прочитав надпись, Егор Михайлович заявил: «Надо Павлушу женить».) Семейная хроника, которую Павел Егорович составлял в конце своей жизни, отличается тем меланхоличным лаконизмом, который проявится позже, в редкие минуты откровенности, в письмах Антона, а также в его зрелой прозе:

1830. Помню, что мать моя пришла из Киева, и я ее увидал.

1831. Помню сильную холеру, давали деготь пить.

1832. Учился грамоте в с. школе, преподавали по А.Б. по-граждански.

1833. Помню неурожай хлеба, голод, ели лебеду и дубовую кору⁷.

Церковный певчий научил как-то Павла разбирать ноты и играть на скрипке. На этом его образование завершилось. Но страсть к церковной музыке стала с тех пор утешением для его мятущейся души. Был он одарен и художественными талантами, которые растратились напрасну в составлении никому не нужных церковных хроник и в велеречивых посланиях. Двадцать девятого октября 1854 года Павел Чехов и Евгения Морозова обвенчались. Евгения была красавицей, но бесприданницей. Павел же лицом не вышел, зато подавал большие надежды как купец.

Иван Яковлевич Морозов, человек щепетильный и порядочный, как-то отказался продавать подпорченную икру и в результате потерял место. Пришлось вернуться из Ростова-на-Дону в Таганрог, где он покорило сердце дочери богатого купца Марфы Ивановны Лободы.

⁶ В 1841 году Павел Егорович Чехов поселился в Ростове у Якова Морозова, отца своей будущей жены. После смерти Якова связь между семьями прервалась, но спустя шесть лет восстановилась: Иван Яковлевич Морозов и Павел Егорович Чехов обнаружили, что и у того и у другого в Таганроге живет родня.

⁷ См.: Жизнь Павла Чехова // Вокруг Чехова. М., 1990. С. 23.

А младшенькая в морозовской семье, Феничка, вышла замуж за таганрогского купца красным товаром Алексея Борисовича Долженко, родила от него сына Алексея и в 1874 году овдовела.

Мать Антона, Евгения Яковлевна, семь раз разрешалась от бремени, пережила смерть четверых детей, терпела деспотизм мужа и стоически сносила нужду. И не было у нее иной отдушины, кроме как жалость к самой себе, да еще пеклась она денно и нощно о чадах своих – других способностей Бог не дал, даже читала и писала она с неохотой. Из всех детей Морозовых лишь Иван блистал талантами – знал несколько языков, играл на скрипке, трубе, флейте и барабане, рисовал и писал красками, починял часы, делал халву, пек пироги, из которых вылетали живые птицы, собирал модели судов, мастерил макеты театральных декораций, а также изобрел удочку, которая сама выбрасывала на берег рыбу. Вершиной его творения была ширма, расписанная сказочными батальными сценами: она отделяла магазин от жилого помещения, и за ней посетителей угощали чаем.

Антон любил и жалел мать. Отцу же он подчинялся, но с трудом выносил его, и тем не менее с самого своего рождения и вплоть до смерти Павла Егоровича никогда не расставался с ним. Павел Егорович, в жизни безжалостный деспот и отъявленный грубиян, в семейной корреспонденции живописал себя заботливым и самоотверженным отцом семейства. У старшего сына, Александра, он вызывал отвращение, а у младшего, Миши, – слащавое обожание. Посторонних же он либо забавлял, либо раздражал. Помимо Господа Бога, с которым он постоянно сносился, самой близкой ему душой был брат Митрофан.

Митрофана Егоровича, купца скромного достатка, в Таганроге уважали. Он поддерживал связь со всеми сородичами, щедро (порой не без умысла) делился с ними новостями в письмах и охотно принимал гостей. Роднила братьев Чеховых благочестивость вперемежку с жульничеством. Оба они вошли в учредители церковного Братства при таганрогском кафедральном соборе. Братство собирало деньги в пользу русского монастыря на горе Афон и на попечение таганрогской бедноты. Летом 1859 года Павел пишет Митрофану, намекая на первые признаки фатальной семейной болезни: «Любезный братец, Митрофан Георгиевич! Имею счастье поздравить Вас с приездом в Первопрестольную Столицу Москву <...> Троицу мы провели очень весело дома и в Саду <...> Потрудитесь в Москве спросить у Медиков насчет болезни Евгении Яковлевны. Вам очень известно род болезни, она плюет каждоминутно, это ее сушит до крайности, она очень брюзглива, малейшая вещь делается ей неприятна, она теряет аппетит и больше поправить ничем нельзя, нет ли такого средства или лекарства, чтобы установить душевное спокойствие и утвердить его, а нежность сердца сделать поравнодушнее ко всему, вам лучше известно...»⁸

Семейные сборы весельем не отличались, бывали и размолвки. В мае 1860 года Митрофан пишет брату из Харькова: «Это для меня был день тяжкий, с утра до обеда я не мог развлечь мое сердце ничем, одно воспоминание, что я один, убивало меня до изнеможения <...> Меня повели обедать к Николаю Антоновичу <...> где приняли ласково и хорошо, что у нас редко бывает...»

Все трое сыновей Егора Михайловича Чехова утверждали себя в жизни, производя на свет многочисленное потомство. У Михаила было четыре дочери и двое сыновей, у Митрофана – трое сыновей и три дочери. У Павла и Евгении – семеро детей. Лишь спустя два года после начала семейной жизни Павел смог скопить 2500 рублей и вступил в третью купеческую гильдию. Их первый сын, Александр, родился 10 августа 1855 года, незадолго до окончания Крымской войны. Английские корабли обстреливали с моря Таганрог – снарядами был разрушен купол собора, пострадали порт и многие дома. Евгения с сестрой Феничкой, спешно покинув дома (на плите в одном из них варился обед), бросились искать убежища в степи, у Егора Михайловича Чехова. Там, в доме священника, Евгения и разрешилась Александром.

⁸ Письма родственников Митрофану вплоть до 1860 года хранятся в ОР. 331 341.

Вернулись они в Таганрог в тесный домишко свекрови, Ефросиньи Емельяновны, который Егор Михайлович загодя поделил между Павлом и Митрофаном. Когда Митрофан женился, Павел переехал, сняв двухкомнатный глинобитный дом на Полицейской улице. В 1857 году он открыл торговлю. Второй сын, Николай, родился 9 мая 1858 года. В 1859 году третью купеческую гильдию упразднили. Взяв ссуду, Павел приписался ко второй гильдии. Евгения снова ждала ребенка. Всегда готовый угодить властям, Павел Егорович поступил в ратманы таганрогской полиции. В январе 1860 года он писал брату Митрофану: «Новостей у нас нет, только от громового удара в прошедшую субботу Михайловская церковь загорелась в самом кумполе». В этом он усмотрел предвестие – 16 января 1860 года у него родился сын Антон⁹.

⁹ Его именины, день святого Антония, – 17 января.

Глава 2

Таганрог

1860–1868 годы

Таганрог, с его особым положением в Российской империи и разноразличным населением, больше походил на колониальную столицу, чем на провинциальный город. Вид его был живописен: пришедшая в упадок военная гавань и процветающий торговый порт, мысом уходящие в мелкое Азовское море; полдюжины проспектов, образованных домами греческих купцов с вкраплением русских казенных заведений. Таганрог разрастался от моря в степь, и, не попадись на окраине русская деревянная слобода, его вполне было бы можно принять за пыльный город где-нибудь в греческой Фракии.

Основанный Петром Первым как опорный пункт на Азовском море, дабы противостоять воинственной Османской империи, Таганрог, как и Петербург, был построен без особой заботы о его будущих обитателях. Песчаная почва плохо удерживала фундаменты; пресную воду найти было трудно; зимой было холодно, а летом – жарко; море было такое мелкое, что пароходы разгружались за версту от берега. В 1720 году турки вытеснили русских из Таганрога, а сам город был разрушен. В 1770-е годы, при Екатерине Великой, город был восстановлен и заселен греческими поселенцами, которые, как и их предки эллины, искали убежища от нищеты и притеснений в независимых поселениях на северных побережьях Черного и Азовского морей. Иные из них, некогда разбойничавшие в Средиземном море, стали финансовыми воротилами; другие наживались, обжуливая русских землевладельцев и подкупая таможенников. Деньги тратили они щедро, что сказалось и на развитии искусств. Греки собирали оркестры, открывали клубы, школы, церкви, выписывали из Франции поваров, чтобы задавать Лукулловы пиры, а из Италии – скульпторов, которые сооружали им на кладбищах роскошные надгробия. Затем примеру греков последовали русские и итальянские купцы, как, впрочем, и множество других иноземных торговцев. Выкачивая ресурсы из пробуждающейся российской глубинки, город бурно развивался.

Оставил в городе свой след и император Александр I. В конце своего царствования он искал в Таганроге душевного успокоения – поселившись в скромном одноэтажном «дворце», он умер там три месяца спустя. Во время его пребывания в Таганроге город на краткий срок стал теневой столицей империи.

Антон Павлович Чехов родился в те времена, когда будущее города казалось обеспеченным: дожидался высочайшего одобрения проект строительства южной железной дороги. Обозы, груженные пшеницей и мясом, тянулись в Таганрогский порт, поскольку до ближайшего крупного города, Харькова, было пятьсот верст по степному бездорожью.

При крещении Антона в русском православном соборе его восприемниками были греки, заказчики Павла и Митрофана. Чеховы взяли в дом няню Агафью – крепостную, проданную хозяевами за то, что помогла барской дочери убежать с женихом. Семейство разрасталось, меняло дома, иногда теснилось под одной крышей с Митрофаном и его домочадцами. Восемнадцатого апреля 1861 года – в то время Чеховы жили у Павла Ивановича Евтушевского, Митрофанова тестя, – родился четвертый сын, Иван. Дочь Мария появилась на свет 31 июля 1863 года. В 1864 году семья переехала в дом побольше и поближе к центру города. Там 6 октября 1865 года родился шестой ребенок, сын Михаил.

Рассказы о детстве Антона дошли до нас от его старших братьев¹⁰. В 1889 году Коля, едва достигнув тридцати лет и уже лежа на смертной постели, взялся записывать детские воспоми-

¹⁰ См.: Чехов Н. Детство // Лит. наследство. Т. 68: Чехов. М., 1960. С. 531–537.

нания. Он припомнил и дом, в котором жила семья, когда Антон был малолеткой, и сорняки во дворе, и забор (все это эхом откликнется в поздних чеховских рассказах): «Я жил в маленьком одноэтажном домике с красной деревянной крышей, домике, украшенном репейниками, крапивою, куриной слепотой и вообще такою массою приятных цветов, которая делала большую честь серому палисаднику, обнимавшему эти милые создания со всех сторон. <...> В этом домике пять комнат и затем три ступеньки вниз ведут через кухню к тому святилищу, где лежат великие мужи, хотя самый старый из них немножко перешагнул аршин».

Далее Колина память переносит нас в то время, когда Антону сравнялось восемь. Дядька, Иван Яковлевич Морозов, вырезал из лозы игрушечного всадника Ваську для четырех годовалого Вани. Все четверо мальчиков спали в одной постели, и по их лицам скользил на рассвете солнечный луч: «Сначала Александр отмахивался от него, как от мух, затем проговорил что-то вроде „меня сечь, за что?“, потянулся и сел. <...> Антон вытащил из-под подушки какую-то деревянную фигурку <...> сначала „Васька“ прыгал у него на коленях, затем вместе с Антоном пополз по мраморной стене. Я и Александр смотрели на все похождение „Васьки“ до тех пор, пока Антон, оглянувшись, не спрятал его самым быстрым образом под подушку. Дело в том, что проснулся Иван. „Где моя палочка, отдайте мою палочку“, – запищал он...»

Коля запечатлел и последний портрет дяди Ивана, который не смог выжить в жестоком торгашеском мире: «Мы редко видели рыженькую бородку дяди Вани, он не любил бывать у нас, так как не любил моего отца, который отсутствие торговли у дяди объяснял его неумением вести дела. „Если бы высечь Ивана Яковлевича, – не раз говорил мой отец, – то он знал бы, как поставить свои дела“. Дядя Ваня женился по любви, но был несчастлив. Он жил в семье своей жены и тут тоже слышал проклятое „высечь“. Вместо того чтобы поддержать человека, все придумывали для него угрозы одна другой нелепей, чем окончательно сбили его с толку и расстроили его здоровье. Тот семейный очаг, о котором он мечтал, для него более не существовал. Иногда, не желая натолкнуться на незаслуженные упреки, он, заперев лавку, не входил в свою комнату, а оставался ночевать под забором своей квартиры в росе, желая забыться от надоедливого „высечь“, „высечь“. Помнится мне, как-то раз он забежал к тетке и попросил уксусу растереться, и, когда она спросила его о чем-то, со слезами на глазах, дядя махнул рукой и быстро выбе...»

Коля умер, оборвав рассказ на полуслове. А чахоточный дядя Ваня встретил свою смерть вскоре после той истории с уксусным растиранием.

Александр тоже вспоминает игрушечного Ваську и общую постель. Старшего брата частенько оставляли присматривать за Антоном – он помнит, как малыш сидит на горшке, не может «исполнить того, что надлежало», и кричит Александру: «„Палкой его!“ Я же, чувствуя свое бессилие помочь тебе, озлоблялся все более и более и в конце концов пребольно и презло ущипнул тебя. Ты „закатился“, а я, как ни в чем не бывало, отрапортовал явившейся на крик маменьке, что во всем виноват ты, а не я»¹¹.

Однако когда Антону исполнилось десять лет, маятник верховенства качнулся в другую сторону. Последующие десять лет братья соперничали за власть, и в результате главой семьи стал Антон. Александр вспоминает свое первое поражение, когда они остались одни в лавке у железнодорожного вокзала, «я для того, чтобы снова покорить тебя себе, огрел тебя жестяною по голове. <...> Ты ушел из лавки и отправился к отцу. Я ждал сильной порки, но через несколько часов ты величественно в сопровождении Гаврюшки прошел мимо дверей моей лавки с каким-то поручением фатера и умышленно не взглянул на меня. Я долго смотрел тебе вслед, когда ты удалялся, и, сам не знаю почему, заплакал...»

Детство Антона прошло в обширном родственном кругу. Когда ему было шесть лет, семья съехала с дядей Митрофаном и Людмилой – Александр к этому времени два или три

¹¹ См.: Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова / Сост. И. С. Ежов. М., 1939. С. 131–132.

года прожил у Фенички. Чеховы и Морозовы породнились браком со многими таганрогскими семьями, и бедными, и богатыми. К клану Чеховых примкнули и обрусевшие греки – крестные, а также Камбуровы, соседи по Полицейской улице, богатые торговцы, чей буржуазный налет напрочь слетал, стоило только Камбурову-старшему с сочным греческим акцентом обругать кого-нибудь из домочадцев: «Иби васу мать!» Вообще, они с успехом сочетали свой средиземноморский темперамент с вольными русскими нравами, и дочери их, Любовь и Людмила, прослыли ходким товаром. В такой среде началось воспитание чувств Александра и Коли – отсюда греческое просторечье, в котором поднаторел Александр, и таганрогский городской жаргон, к которому он прибегал в письмах. Местные греки прозвали старшего брата «счастли-
вый Саса»¹².

Первые восемь лет жизни Антона пронизаны непрерывной чередой именин и церковных праздников, особенно пасхальных, истово соблюдаемых Павлом Егоровичем. В будние дни свободы было побольше: в школьные каникулы они с Колей выслеживали Александра на улицах Таганрога, рыбачили в бухте Богудония, ловили на пустыре и потом продавали за гроши чижей и щеглов, наблюдали, как острожники отлавливают и забивают до смерти бродячих собак, и вечером возвращались домой, с головы до ног перепачканные известкой, пылью и грязью.

¹² Еврейские мальчики дразнили его Сашинкох. Александр научился немного болтать на идиш и всю жизнь помнил тревожный мальчишеский клич: «Феркаце ди хузн, лойф ахейм!» (Задирай штаны и бегом домой!)

Глава 3

Магазин. Церковь. Школа

1868–1869 годы

Купец Павел Егорович был никудышный. Куда больше его привлекала каллиграфия – он то и дело перебеливал прејскуранты, инвентарные описи и списки должников. Свою лавку он превратил в дискуссионный клуб, где можно было наставить клиентов на путь истинный или посплетничать с ними за стаканом чая или вина. Благодаря знанию церковной музыки он был принят в таганрогском обществе. Его страсть к хоровому пению была поистине безграничной. Несмотря на скудное образование и не бог весть какой талант, в 1864 году он стал регентом кафедрального собора. При этом ничто не могло заставить его пропустить в литургии хоть один такт или слово – службы в соборе стали тянуться до бесконечности. И прихожане, и клир через Евгению Яковлевну пытались убедить Павла Егоровича служить покороче, но тот не уступал – благолепие превыше всего. В 1867 году ему отказали от места.

Павел Егорович перешел в греческий монастырь, который, желая расширить приход, начал вести службы на русском языке. Новый регент набрал хор слободских кузнецов с их раздутыми, как меха, легкими – басы и баритоны зазвучали сурово и мощно. Недоставало лишь альтов и сопрано. Павел Егорович пытался было приобщить к делу двух таганрогских барышень, но у тех не выдержали нервы, и они были отпущены с богом. Им на замену Павел Егорович взял в хор троих старших сыновей. Позже Александр вспоминал: «Доктор, лечивший у нас в семье, восставал против такого раннего насилования моей детской груди и голосовых средств»¹³.

Пение в церковном хоре превратилось в пытку, растянувшуюся на долгие годы. Особенно тяжело было в Пасху, когда мальчиков из теплых постелей выгоняли чуть свет к заутрене. Потом они выстаивали по две-три нескончаемые службы, а накануне долго репетировали в лавке, то и дело получая от хормейстера оплеухи. Всю свою взрослую жизнь, вплоть до самой смерти, Антон редкую Пасху проводил дома – его тянуло на улицу, наполненную колокольным звоном.

Прихожане умилялись, глядя, как Александр, Коля и Антон, коленопреклоненные на стылом каменном полу, поют трехчасовой тропарь «Разбойника благоразумного». Но мальчикам было не до благолепия. Антон вспоминал, что они чувствовали себя «маленькими каторжниками» и, стоя на коленях, беспокоились о том, как бы публика не увидела их дырявые подошвы. Развлечений было мало – наблюдать, как на колокольне гнездятся кобчики, или вдруг услышать устроенный Николаем перезвон в честь появления в церкви Евгении Яковлевны.

Именно музыка православной церкви, а не ее догмы, глубоко укоренилась в душе Антона Чехова. Раз, услышав церковный благовест, он признался школьному приятелю, актеру А. Вишневному: «Вот любовь к этому звону – все, что осталось еще у меня от моей веры». В 1892 году он делился мыслями с писателем И. Щегловым: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание... <...> И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет».

В 1872 году в греческий монастырь пришел новый настоятель. Русским он не владел, и хор Павла Егоровича был распущен. В той церкви на таганрогском рынке, где Павел Егорович пел с кузнецами славу Господу, появился профессиональный хор. Оставалась лишь часовенка при «дворце» императора Александра, где неудачливый регент мог явить публике семейное трио.

¹³ РГАЛИ. 2540 153. Воспоминания Ал. Чехова (см. также: Вокруг Чехова. М., 1990).

Возможно, доктор, пользовавшийся семейство Чеховых, был прав, считая, что службы спозаранок и репетиции на ночь глядя подорвут здоровье старших сыновей. Но благодаря им в память Антона на всю жизнь ввелись церковнославянские псалмы и акафисты. Любовь к русской церковной музыке пережила его веру в Бога, хотя дальше пения и умения подобрать одним пальцем мелодию на пианино дело у него не пошло. Коля же играл и на скрипке, и на пианино, причем на последнем, по свидетельству профессионалов, виртуозно. В краткий период благополучия шестидесятых и начала семидесятых годов Павел Егорович нанимал детям учителей музыки и французского: Александр и Коля неплохо говорили по-французски, а вот языковые и музыкальные таланты Антона так и остались нераскрытыми.

Александр на радость отцу был одним из лучших учеников таганрогской гимназии. Что же делать с Колей и Антоном, Павел Егорович решить никак не мог. Греческие купцы втолковывали ему, что путь к благоденствию лежит через греческие торговые компании, где место маклера может давать до 1800 рублей в год. Однако занятие это требовало владения греческим. Неожиданно с Павлом Егоровичем расплатился один из должников, и отец вложил 100 рублей в образование Коли и Антона. Греческий язык преподавали в приходской школе церкви Святых Константина и Елены (ее тремя годами ранее посещал Александр), и это заведение славилось палочной дисциплиной. «Николаос и Антониос Цехоф» были зачислены в школу в сентябре 1867 года. Преподавание велось в общей комнате с длинными деревянными скамьями. Эта школа была удивительно похожа на страшный интернат, описанный Диккенсом в романе «Николас Никльби». С пятью классами одновременно, начиная с алфавита и кончая синтаксисом и историей, занимался Николай Вучина. Под его бдительным оком, в углу комнаты, отделенном выгнутой дугой железной круглой полосой, старшие спрашивали у младших уроки и наказывали нерадивых школяров. Новички получали за деньги потрепанные буквари. Антон и Александр навсегда запомнили одну фразу, которую Вучина твердил: «Их родители заплатят за все». Время от времени учитель удалялся к себе в квартиру, где ключница-украинка удовлетворяла его плотские потребности (говорили также, что однажды он изнасиловал там греческого мальчика). Когда его рыжая борода вновь появлялась в классе, порядок – правда, не без помощи его луженой глотки и металлической линейки – быстро восстанавливался. Вучина сам придумывал наказания: например, привязывал провинившегося к стремянке и заставлял одноклассников плевать в него. Впрочем, плата за обучение была скромной, а школьная форма – необязательной.

Когда учебный год закончился, Павел решил предъявить греческим компаньонам достижения своих сыновей. Однако, несмотря на обилие листочков с щедрыми оценками «прилежный» и «благочестивый», которыми Вучина награждал учеников, ни Коля, ни Антон дальше алфавита не продвинулись. Последовала склока, но наказание понесли мальчики, а не горе-учитель. В августе 1868 года они были зачислены в гимназию. Антон пошел в подготовительный класс.

Таганрогская гимназия станет прообразом душевной учительской среды, в которой будут томиться чеховские персонажи, оставаясь при этом своеобразным Царскосельским лицеем на Азовском побережье; в ней для Чехова сошлись и рай и ад. Ученичество Антона пришлось на годы ее расцвета: достаточно просмотреть списки преподавателей и учеников, чтобы оценить эту кузницу талантов. Школа не менее жестко повлияла на Антона, чем семья, но она же помогла ему освободиться от родительского гнета.

Гимназия в Таганроге была открыта в сентябре 1809 года попечением просвещенных горожан. В 1843 году она разместилась в просторном и светлом двухэтажном здании, построенном в классическом стиле на самом высоком таганрогском холме. Одним из первых прославивших ее питомцев стал поэт и переводчик Гомера Н. Щербина. В 1856 году начались александровские реформы, и последующие двадцать лет гимназию лихорадило от всяческих новаций. Быстрый рост городов на юге России повлек за собой частую смену преподавателей,

а в бурные годы правления Александра II в гимназии утвердились либералы, то и дело вступавшие в конфликт с властями.

В 1863 году из гимназии был уволен тогдашний ее директор. Потеряв от горя рассудок, он два года бродягой скитался по городу и в 1865 году, окончив счеты с жизнью, был похоронен своим преемником Паруновым. В 1867 году министр образования граф Д. Толстой, посетив гимназию, вознамерился превратить ее в образцовое классическое учебное заведение: сомнительные дисциплины сменились обязательными латынью и древнегреческим, а русская литература, вызывавшая брожение умов, была вправлена в жесткие рамки. Неблагонадежным учителям отказывали в месте. Учеников из деревни, снимающих жилье у таганрожцев, стали расселять под строгим присмотром школьного начальства. Министр считал, что школе, как и церкви, надлежит воспринять насаждаемый им жандармский дух. В результате многие преподаватели превратились в надсмотрщиков, а занятия – в зубрежку, и вместе с тем для здравомыслящих учителей и талантливых учеников толстовские реформы в чем-то оказались благотворными. Двери гимназии были открыты для евреев, купцов, мещан, детей церковнослужителей и зарождающейся интеллигенции. Выпускники становились врачами, адвокатами, актерами и писателями, что, впрочем, вызывало беспокойство правительства – избыток интеллигенции, особенно не находящей себе дела, был революционно опасен.

В российской гимназии в те времена со школьниками обращались благородно: если кого и наказывали, то отправляли в «карцер» – чисто выбеленную комнатку, обычно располагавшуюся под лестницей. Телесные наказания были запрещены: учитель, поднявший на ученика руку, увольнялся. Антону, после изощренных издевательств Вучины и тумачов в родительском доме, приготовительный класс показался раем. Как выяснилось, иных из его одноклассников не трогали пальцем даже дома. Молчаливое неприятие любого насилия над личностью, ставшее стержнем чеховской натуры, берет свое начало именно в школьном классе.

Впрочем, не всем родителям были по карману плата за обучение и школьная форма, так что со временем кое-кто из гимназистов переходил в реальное училище и, окончив его, шел в мастеровые. Как вспоминает одноклассник Антона Ефим Ефимьев, покинувший гимназию в 1872 году в двенадцатилетнем возрасте и впоследствии ставший прекрасным часовщиком и плотником, «[мы] считались людьми плебейского происхождения <...> форма дешевого сукна <...> завтрак из небольшого куса хлеба с салом, которым я, бывало, делился с Антоном <...> у него, кроме хлеба да печеной картошки с огурцом, ничего питательного не было»¹⁴.

Рукоприкладство, чрезмерное даже для темной купеческой среды, особо отличало жестоконравного Павла Егоровича. Младшим детям, которые выросли в Москве, особенно Мише, розог досталось поменьше – здесь Павлу Егоровичу исполнить отеческие права помешали столичные предубеждения домохозяев. Маша, единственная дочь в семье, была любимицей – многим она запомнилась тем, что легко краснела и носила розовое накрахмаленное платице. Старших же сыновей пороли нещадно. Лупцевали домочадцев и богатые родичи, Лобода. А вот детям дяди Митрофана сыновья Павла Егоровича завидовали – в его семье воспитывали вразумлением, а не кулаками. Александру и Николаю порки причиняли моральные страдания – вплоть до отроческих лет мальчикам приходилось просушивать постели. По словам Ефима Ефимьева, «в семье Чеховых <...> как только появлялся его отец, мы затихали и разбегались: рука тяжелая. Детей наказывал за самую невинную шалость».

В одном из поздних чеховских рассказов под названием «Три года» ярко описаны переживания молодого вдумчивого человека, выходца из купеческой среды. Мы видим, насколько узнаваемы подробности – ими наполнены письма Антона, запечатлевшие муки и унижения детства: «Я помню, отец начал учить меня, или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще

¹⁴ См.: Бондаренко И. Биография еще не окончена // Сб. ст. и материалов / Под ред. И. М. Сельванюка, В. Д. Седегова. Вып. 3. Ростов н/Д., 1963. С. 309–330.

пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня?»

На исходе третьего десятка Антон делился с братом Александром: «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой». У Александра таганрогское детство тоже отпечаталось в памяти как «сплошное татарское иго без просвета».

Эта же тема проходит и в воспоминаниях журналиста Н. Ежова: «Выпоров детей, Павел Егорович шел в церковь, а наказанным велел садиться за псалтырь и читать столько-то страниц. Сам Чехов, уже будучи увенчанным Пушкинской премией, говорил одному литератору: „Знаете, меня в детстве отец так порол, что я до сих пор не могу забыть этого!“ И голос писателя дрожал, так остры были его воспоминания».

Преподавателем Закона Божьего в таганрогской гимназии был тридцатилетний Федор Покровский. Навещая гимназистов, дом Павла Егоровича он обходил стороной и предпочитал семейство его брата Митрофана – там гостеприимство не было показным и не перемежалось поркой детей и напыщенным пустословием. Однако Покровский недооценил чеховских отпрысков, сказав их матери: «Из ваших детей, Евгения Яковлевна, не выйдет ровно ничего. Разве только из одного старшего, Александра». Вот каким предстает отец Федор в воспоминаниях Павла Филевского, выпускника и впоследствии преподавателя таганрогской гимназии: «Наружность, осанка, музыкальный голос, находчивость, дар слова – все в нем привлекало. Но это был человек неискренний, говорил не то, во что верил, был безжалостен к побежденному противнику и не стеснялся в средствах. <...> Эрудиции мало, богословие „от чрева своего“»¹⁵.

Дети видели в Покровском своего защитника. На собраниях он смело выступал против директора Парунова и порой затевал споры с самим инспектором, отстаивая интересы гимназистов, которым плата за обучение (от десяти до двадцати рублей в год) была не по карману. Хлопотал он и за братьев Чеховых. В классе он иной раз забывал о катехизисе и делился с гимназистами воспоминаниями о войне, рассказывал им о Гете, Шекспире и Пушкине. Чехов поддерживал отношения с отцом Федором до самой его смерти в 1898 году, и Покровский не пропускал ни одного печатного слова своего бывшего ученика. Годы спустя Митрофан писал брату Павлу: «Антоша в своем письме ко мне высказал, что он обязан о. протоиерею не только учению Закону Божию, но и словесности, умению понимать живое слово и облекать его в изящную форму».

Наставники приготовительного класса 1868/69 года были люди добросердечные – например, воспитатель пансиона Стефан Монтанруж, немолодой, но полный жизни швейцарец, которого ласково величали Стакан Иваныч. Яркой фигурой и всеобщим любимцем был и преподаватель латыни Владимир Старов – кроткий и безобидный, он воспылил страстью к распутной красавице Ариадне Черец, или, как ее звали, Рурочке. Женидьба на ней погубила его. В конце восьмидесятых годов самозванный школьный соглядатай, чех Ян Урбан, разоблачил Старова, и его удалили в захолустную, затерявшуюся в степях школу. Ариадна Старова бросила и убежала с известным всей России актером Н. Соловцовым. Потом она сама поступила на сцену. Спившись, Старов умер в больнице. Эта история легла в основу сюжета не только чеховских рассказов «Ариадна» и «Моя жизнь», но и повести «Моя женидьба», написанной учителем географии Федором Стулли. Погиб от запоев и другой наставник Чехова, историк и либерал Аполлон Белавин. Ипполит Островский, преподаватель математики и физики, еще будучи на службе, умер от туберкулеза.

¹⁵ См.: *Филевский П. П.* Очерки из прошлого Таганрогской гимназии. Таганрог, 1906.

Человеком, в чьих руках находилась судьба большинства учеников, был инспектор А. Дьяконов по кличке Сороконожка, ходячее собрание избитых моральных наставлений, над которыми потешались гимназисты: «Коль скоро существует правило, то оно не для забавы законодателя и должно быть соблюдаемо». Дьяконовские черты Чехов перенес на учителя греческого языка Беликова в рассказе «Человек в футляре», однако его прототип был в жизни столь тверд в своих убеждениях, незлобив и одинок, что вызывал невольное уважение окружающих.

Греческий язык совсем не давался Антону Чехову. В то время как Александр и Коля прекрасно успевали в нем, Антон иной раз не дотягивал до тройки – оценки, позволяющей перейти в следующий класс. Впрочем, и хорошего преподавателя древнегреческого тоже надо было поискать. В конце концов из самих Афин гимназия пригласила К. Зико. Прекрасный педагог, он, по словам П. Филевского, «слишком неразборчиво искал средств к обогащению». Бормоча по-гречески «хримата!» (деньги), он весьма откровенно вымогал взятки у двоечников. Рукоусуйство приняло в российских школах характер эпидемии. Учителя селили у себя на квартирах отстающих учеников, брали с них по 350 рублей в год, а кормили обедками. Зико настолько зарвался в своей алчности, что «компрометировал» школу и в начале восьмидесятых годов был выдворен из России.

Под стать греку Зико был чех Ян Урбан, школьный осведомитель. До Таганрога он работал в Киеве (там кто-то покалечил ему ногу), а потом в Симферополе (там ему в доме переколотили окна)¹⁶. Всякий раз он покидал город со скандалом, разоблачив в глазах начальства учителей или учеников. Таганрог был его последним прибежищем, но и здесь он не мог удержаться от доносов. Один из затравленных им гимназистов наложил на себя руки. Как-то раз ученики кинули в дом Урбана набитую взрывчаткой жестянку. Взрыв был слышен за десять кварталов. Урбан требовал, чтобы полиция арестовала анархистов, но так ничего и не добился. Домохозяева отказывали ему в постое. Репутация Урбана в городе была столь незавидна, что даже городской жандарм запретил своей дочери выходить замуж за его сына. Во время революционных беспорядков 1905 года гимназисты закидали Урбана камнями. Он собрал их и до самой смерти носил в кармане.

Иные учителя не оставили следа в памяти Антона. Однако странно, что он забыл Эдмунда Иосифовича Дзержинского, «болезненного и крайне раздражительного», каким его запомнил П. Филевский. Вплоть до 1875 года Эдмунд Иосифович преподавал в гимназии математику, а потом родил сына Феликса, председателя ВЧК и пламенного борца с контрреволюцией. Антон помнил лишь тех преподавателей, которые учили его на протяжении всех гимназических лет, а также тех, чья судьба сложилась как-то особенно нелепо¹⁷. В своей взрослой жизни он называл их чинодралами, а их чудачества и жизненные драмы дали богатый материал для чеховской прозы.

В первые годы учебы Антон успехами не блистал и прилежным поведением не отличался. Однако лишь П. Вуков, отвечавший за дисциплину в гимназии, уже после смерти Чехова, откровенно признал это: «Ну конечно, 9 лет глаза мозолил». (Позже он облачил эту мысль в более тактичную форму: «Его идею и острое словечко подхватывали товарищи, и это становилось источником веселья и смеха».) Друзей среди одноклассников у Антона не было – мужскую дружбу он узнает позже. Семейство Чеховых по-прежнему держалось особняком.

Начиная с 1868 года доходы Павла Егоровича стали расти, что позволяло оплачивать образование детей. Вскоре умерла его теща, А. Кохмакова, однако внукам не запомнилось это

¹⁶ См.: РГАЛИ. 549 1 332. Зелененко. Воспоминания о Таганрогской гимназии (машинопись).

¹⁷ Кстати, многие учителя сохранили о Чехове воспоминания. Из них, пожалуй, лишь А. Маркевич, учитель истории, гордо заявлял, что он рассказов Чехова не читает.

печальное событие – последние четыре года она пролежала в параличе и была отрезана от окружающего мира.

В 1869 году Чеховы сняли у домовладельца Моисеева двухэтажный кирпичный дом на краю города – мимо проходила дорога, по которой тянулись из степи в порт ломовые извозчики и погонщики скота. Верхний этаж был жилым, и в гостиной поставили пианино. Внизу разместилась лавка, а в боковых комнатах теснились постояльцы и хранились запасы товара. На улице, куда выгоняли зазывать покупателей кого-нибудь из мальчиков или младших Чеховых, над входом красовалась вывеска: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». В магазин взяли братьев Харченко, Андриюшку и Гаврюшку, пареньков лет одиннадцати-двенадцати.

Они жили с Чеховыми и первые пять лет работали бесплатно.

Карманов на одежде, дабы избежать греховного искушения, иметь им не разрешалось, а тумачок доставалось куда больше, чем чеховским отпрыскам. Зато их сразу научили обсчитывать, обвешивать и вместо годного товара подсовывать негодный¹⁸.

В этом самом доме 12 октября 1869 года родился чеховский последыш – дочь Евгения. Семейство разрасталось, однако Чеховы находили место и для постояльцев – еврейских торговцев, монахов, школьных учителей. Один из жильцов, Гавриил Парфентьевич Селиванов, – он сыграет ключевую роль в жизни Чеховых в последние годы их пребывания в Таганроге – днем работал в коммерческом суде, а вечерами наживал деньги, играя в карты в клубе «общественного собрания». Был он холост и тщательно следил за собой: всегда вытряхивал из соломенной шляпы подсолнечную шелуху, которую носило ветром у чеховской лавки. Селиванов скоро был принят в семью и даже называл Евгению Яковлевну мамашей. Еще один квартирант, гимназист Иван Павловский, позже стал собратом Чехова по перу, журналистом. Павловский оставил неизгладимое впечатление в памяти одноклассников. В 1873 году он уехал в Петербург продолжать учебу, но был арестован за революционную деятельность и выслан в Сибирь.

Из верхних окон моисеевского дома была видна новая базарная площадь, одновременно служившая местом гражданской казни. Туда привозили на черной повозке осужденных – у них были связаны за спиной руки, а на шею висели таблички с указанием содеянного. Под барабанный бой преступника возводили на эшафот, привязывали к столбу, читали над ним приговор, а затем отправляли в тюрьму или в ссылку. Евгения Яковлевна и Митрофан Егорович, как и многие таганрожцы, навещали заключенных в праздничные дни.

Благотворительность Павла Егоровича имела свои пределы. Обычно он пускал пожить на двор одного-двух монахов, собирающих пожертвования для монастыря на горе Афон, и сквозь пальцы смотрел на их пьянки. Детям же снисхождения не оказывалось. Невзирая на занятия в гимназии, они имели свои обязанности в лавке и получали наказания за малейшую провинность – через все это прошел и сам Павел Егорович. По его разумению, задания по латыни вполне можно было выполнять, одновременно приглядывая за лавкой – она была открыта с раннего утра до поздней ночи. Позже Александр вспоминал отеческие наставления: «В детстве у меня не было детства... Балуются только уличные мальчишки... За битого двух небитых дают...»

Лавку Павел Егорович оснастил отменно – весы, стол и стулья для покупателей, повсюду полки и шкафы, наверху чердак, во дворе сарай – и торговал всем, чем придется. К тому же, всем на удивление, он оказался великим гурманом и за хороший обед продал бы душу дьяволу; горчицу готовил собственноручно. В лавке можно было найти первосортные кофе и оливковое масло. Сорок лет спустя Александр пытался восстановить в памяти ассортимент семейного торгового заведения: «Здесь можно было приобрести четверку и даже два золотника чаю,

¹⁸ Третий мальчик, Мишка Черемис, запомнившийся многим по кличке педераст, тоже какое-то время работал на Чеховых. У сыновей остались в памяти лишь его слова: «Не будьте благомысленны».

банку помады, дрянной перочинный ножик, пузырек касторового масла, пряжку для жилетки, фитиль для лампы и какую-нибудь лекарственную траву или целебный корень вроде ревеня. Тут же можно было выпить рюмку водки и напиться сантуринским вином до полного опьянения. Рядом с дорогим прованским маслом и дорогими же духами „Эсс-Букет“ продавались маслины, винные ягоды, мраморная бумага для оклейки окон, керосин, макароны, слабительный александрийский лист, рис, арабийский кофе и сальные свечи. <...> Конфеты, пряники и мармелад помещались по соседству с ваксою, сардинами, сандалом, селедками и жестянками для керосина или конопляного масла. Мука, мыло, гречневая крупа, табак, махорка, нашатырь, провололочные мышеловки, камфара, лавровый лист, сигары „Лео Виссера в Риге“, веники, серные спички, изюм и даже стрихнин уживались в мирном соседстве. Казанское мыло, душистый кардамон, гвоздика и крымская крупная соль лежали в одном углу с лимонами, копченой рыбой и ременными поясами».

Отпускал Павел Егорович и кое-какие лекарства. Одно из них, под названием «гнездо», помимо прочего включало нефть, ртуть, азотную кислоту, «семибратнюю кровь», стрихнин и сулему. Оно имело абортивное действие и приобреталось мужьями для своих жен. «Много, вероятно, отправило на тот свет людей это „гнездо“», – заметил как-то уже получивший медицинское образование Антон.

Однако, несмотря на то, что посетителей угощали водкой и сладким сантуринским вином¹⁹, доходу лавка не давала. Не помогали и всякие уловки, например продажа высушенного и подкрашенного спитого чая. Перед важными клиентами Павел Егорович заискивал, а если кому случалось пожаловаться на то, что чай отдает рыбой, а кофе свечным воском, то затрешины и пинки при покупателях доставались Андрюшке и Гаврюшке. (Как-то раз Павла Егоровича за чрезмерное рукоприкладство вызывал мировой судья.) Его же понятия о гигиене даже по тем временам были ниже всякой критики – он, например, уверял сыновей, что мухи очищают воздух. Однажды в бочке с оливковым маслом обнаружил дохлую крысу. Замолчать это происшествие ему не позволила честность, а вылить масло – жадность, к тому же ему очень не хотелось возиться с маслом – процеживать и кипятить его. Тогда он решил пропащий товар освятить, и отец Федор Покровский отслужил в лавке молебен. После этого магазин стали обходить стороной даже самые нетребовательные покупатели. А дохлая крыса стала предвестником краха лавки колониальных товаров Павла Егоровича Чехова.

¹⁹ Чехов оставался верен сантуринскому всю свою жизнь, хоть и признавался, что на вкус оно похоже «на плохую марсалу».

Глава 4

Театр в жизни и на сцене 1870–1873 годы

Хорошо обустроенный магазин и модно обставленная гостиная, выходившая окнами на две обсаженные деревьями улицы (со временем там появятся газовые фонари), являли собой европейскую вывеску дома Моисеева. За ней же, в тесных спальнях, в сараях во дворе, в кухне без водопровода, скрывалась иная, азиатская, реальность. Образ провинциального дома с душными, полными тараканов задними комнатами при роскошном фасаде пронижет прозу Чехова вплоть до самого последнего рассказа.

Впрочем, европейское преуспевание так и осталось видимостью – деловой хватки Павлу Егоровичу явно не хватало. Не прошло и года, как через дорогу открылась лавка, предлагавшая тот же самый товар по более низким ценам. Сомнительного качества вино, купленное Павлом Егоровичем в кредит, никак не раскупалось. Долги множились, и фортуна обернулась к Чеховым спиной. В сентябре 1871 года, едва дожив до двух лет, умерла маленькая Евгения. Мать оплакивала ее горше, чем впоследствии смерть взрослых сыновей. Даже через шестнадцать лет, по словам Александра, мать помнила смерть дочери так, «как будто это было вчера».

Павел Егорович увеличил рабочее время магазина и арендовал прилавок на привокзальной площади. Когда доходы от него перестали покрывать даже расходы на горящую там керосиновую лампу, он взял в аренду другую лавку, на Новом рынке, и заставил работать в ней сыновей – к величайшему их огорчению – во время летних каникул. Торговля в лавке открывалась в пять утра, заканчивалась в полночь и тем не менее приносила семейству лишь грошовую прибыль.

Летние каникулы были самым светлым пятном в детской жизни Антона, а рыбная ловля и загородные прогулки стали символом счастья не только в его взрослой жизни, но и в прозе. Однако еще больший след в его душе оставило море. Таганрогские мальчишки удили рыбу со свай в недостроенном порту или проводили время на каменистом пляже бухты Богудония. Как-то, ныряя, Антон разбил себе голову, и оставшийся шрам впоследствии указывался как примета в документах, удостоверяющих его личность. Здесь, у моря, он сживал с удочкой – нередко по соседству с инспектором Дьяконовым (картина напоминала сошедшихся у водопоя хищника и его жертву). На море мальчишки приходили за бычками. Пойманную рыбу сажали на кулан и держали в воде, чтобы сохранить ее свежей до рынка. На обратном пути было чем развлечься – озорники взрезали мешки, лежащие на медленно тянущихся в город подводах, и таскали из них мандарины и грецкие орехи. Если извозчик успевал заметить воришку, тому доставалось по спине кнутом²⁰. На рыбалке Антон обретал покой, которого ему так не хватало дома. А вот на пустыре можно было вволю порезвиться – там они со школьным приятелем Андреем Дросси ловили щеглов. (Братья Чеховы, уже став взрослыми, держали в доме певчих птиц, которые свободно летали по комнатам.) Манило к себе и таганрогское кладбище – суровость его православных крестов, пышность сработанных итальянцами надгробий и вечный тлен отбросили тень на всю чеховскую прозу. Здесь Антон ловил восковым шариком тарантулов²¹.

Даже в детстве море и река Миус навевали Антону грустные мысли, которые отозвались *memento mori* в его поздних рассказах. В письме к своему покровителю Григоровичу Чехов

²⁰ Кнуты пропитывались дегтем и рыбьим жиром, и это наносило непоправимый урон одежде. Получив как-то пониже спины, Антон с испугу решил отстирать брюки в скипидаре, который окончательно разрушил ткань. Знакомая одного из одноклассников жалилась над ним и купила ему новую пару, так что Павел Егорович так и не узнал о понесенном ущербе.

²¹ См.: Долженко А. Воспоминания родственника об А. П. Чехове // Из школьных лет Антона Чехова 1962. С. 14–19.

в 1886 году писал: «Когда ночью спадает с меня одеяло, я начинаю видеть во сне громадные склизкие камни, холодную осеннюю воду, голые бревна – все это неясно, в тумане, без клочка голубого неба. Когда же я бегу от реки, то встречаю по пути обвалившиеся ворота кладбища, похороны, своих гимназических учителей».

Жизнь Антона стала чуть привольнее. Он обследовал окрестности города, навещал одноклассников. У тети Фенички можно было безнаказанно драться подушками, а в гостях у таганрогских чиновников и купцов – на какое-то время забыть о суровом семейном распорядке. У Антона стали проявляться признаки его взрослых недугов – головные боли и расстройство пищеварения, в то время называвшееся «катар желудка», или «перитонит». Недомогания приписывались купанию в холодной воде. Летом одолевали приступы малярии. Вообще, кишечные расстройства и постоянный кашель за болезнь не считали. При том что Евгения Яковлевна выказывала тревожные симптомы – кровохарканье, приступы лихорадки, тетя Феничка непрерывно кашляла и заметно теряла силы, а дядя Ваня Морозов к тому времени уже умер от туберкулеза, – никто не мог предположить, что эта роковая болезнь настигнет и Антона. Пока его жизненных сил хватало, чтобы противостоять инфекции. Антон в детстве и Чехов в зрелые годы – это два разных человека. Облик широкоплечего и круглолицего молодца середины восьмидесятых годов совсем не вяжется со столь знакомым нам портретом писателя с изможденным от страданий лицом и впалой грудью. Кстати, в школе его, большеголового, дразнили «бомбой».

В июле 1871 года (Антону было одиннадцать) у лавки Павла Егоровича остановились длинные дроги – из слободы Крепкой, где жил дед Егор, приехал работник прикупить кое-что по хозяйству. Александр с Антоном упросили родителей позволить им с этой okazji навещать деда с бабкой. Выехали сразу же, и второпях мальчики не взяли с собой ничего, чем укрыться от дождей, полоскавших повозку на протяжении всего пути – за два дня проехали они семьдесят верст. Степные ливни, плутание в камышах, пьяная ругань возницы, встреча с хозяином еврейской харчевни – все эти дорожные происшествия через шестнадцать лет найдут отражение в чеховском шедевре «Степь». Кульминация повести – разочарование в старике, поначалу казавшемся загадочным и значительным, – имеет реальную основу: такие же чувства испытали мальчики, добравшись до имения графа Платова и обнаружив, что их деда, не ужившегося с господами, отправили на дальний хутор да к тому же окрестили Аспидом. Увидев внуков, Егор Михайлович родственных чувств не проявил. Когда же выяснилось, что приехавшие мальчишки – внуки ненавистного управляющего, от них отвернулись и крестьяне. Егор Михайлович и Ефросинья Емельяновна жили смердами. Внуков пристроили на ночлег в пустующем барском доме. Через неделю Александр и Антон подружились с кузнецом и вместе с ним ловили краденою простыней рыбу у мельничной запруды. Дед Егор не оправдал своей репутации самоучки и книголюба и даже заклеил школу рассадником «ученых дураков». Антон был подавлен горькими жалобами бабки Ефросиньи, которую сломили годы нужды, побои мужа и ненависть крестьян. В гостях у прародителей мальчики впервые смогли понять, сколь жестокой была сформировавшая их отца среда, и сравнить, насколько тяжелее было его детство.

Недели, проведенной с дедом и бабкой, было довольно. Александр настоял на том, чтобы дойти пешком до Крепкой и там просить графиню Платову помочь им добраться до дому. Через несколько дней они сели на подводку, отправлявшуюся в Таганрог.

В мае 1872 года Антон, как и четверть его одноклассников, провалил экзамены за третий класс, не получив по всем предметам даже троек. С такими оценками ему грозило провести следующий учебный год на «Камчатке». Впрочем, наступившее лето позволило позабыть о пережитых и предстоящих унижениях – к радости детей, родители оставили их дома одних. Павел Егорович с Евгенией Яковлевной отправились паломниками по монастырям. По дороге они намеревались провести в Калуге уже безнадежно больного Михаила Егоровича Чехова,

посетить в Москве Политехническую выставку, а на обратном пути заглянуть к богатым родичам Евгении Яковлевны в Шуе. Воспоминания об этом впервые сохранились у девятилетней Маши. Она вообще старалась не копить обид и запечатлела только светлые страницы детства Чеховых: Александр мастерит электрическую батарейку, Коля пишет маслом, Ваня переплетает книги.

В 1873 году жизненные горизонты братьев Чеховых заметно раздвинулись. Антон стал чаще бывать на людях, Александр с Колей бегали на свидания с гимназистками. Александр влюбился в Марию, дочь таганрогского часовщика Франца Файста, и дело шло к помолвке. Коля, который был привлекателен, даже несмотря на раскосость и невысокий рост, пользовался у девушек небывалым успехом; особое благоволение ему выказывала кузина Любовь Камбурова. Если судить по девичьим письмам, полетевшим из Таганрога в Москву после отъезда молодых людей в 1875 году, Любовь и Мария были далеко не единственными из русских и греческих купеческих дочек, кому вскружили голову братья Чеховы. Александр блистал умом и красноречием, Коля мило дурачился, актерствовал и музицировал, Антон был остроумен и демонстрировал хорошие манеры. Таганрожцам особенно запомнилась его внимательность к людям – что, впрочем, не мешало ему безжалостно вышучивать хозяев и гостей за их спяной. Очаровывались даже те, для кого писательская слава Антона была пустой звук, например Иринushка, нянька в семье дяди Митрофана. Секрет чеховского успеха не только у женщин, но и у гостиничной прислуги, чиновников, издателей и финансовых тузов лежит в его деликатной сдержанности, которую он культивировал в себе вплоть до самой смерти. Обаяние Антона открывало ему двери в богатые дома, куда его влекли не столько французские гувернантки, домашние спектакли и чай в фарфоровых чашках, сколько уважение, которое оказывалось их обитателями по отношению к чужому достоинству и частной жизни.

На интеллект Антона и его художественные вкусы благотворно повлиял таганрогский театр. Впрочем, уже не один десяток лет (открыт он был в 1827 году) школьные власти считали, что сцена лишь растлевает нравы. Гимназистам позволялось посещать только одобренные инспектором спектакли – при условии, что это не помешает выполнению домашних заданий. Учителей посылали в театр отлавливать гимназистов, проникших в театр тайком, – иные из них переодевались, закутывали головы платками и даже подкупали привратников, чтобы те пропустили их, после того как в зале погаснет свет. Запретный театральный мир неудержимо влек к себе. Благодаря богатым попечителям театр в Таганроге процветал, блистая репертуаром, итальянскими певцами и столичными актерами.

Павел Егорович, как и школьное начальство, был убежден: театр есть не что иное, как ворота в ад (похоже, он не видел и пьес своего сына). А брат его, Митрофан, был заядлым театралом. (Тем более удивительно, что в списке таганрогских граждан, в 1865 г. хлопотующих о строительстве нового театра, числится Павел Егорович Чехов.) В 1873 году, с назначением молодого инспектора Александра Воскресенского-Бриллиантова, отношение к театру в гимназии потеплело. Сам инспектор был не чужд буффонады: в школьном классе то и дело вытаскивал из кармана зеркальце, чтобы поправить роскошную рыжую бороду, а в театре щелкал каблуком орехи и громко чавкал в самых патетических местах по ходу пьесы. Сей Нарцисс продержался на своем посту лишь год, но этого было достаточно, чтобы Антон навсегда пристрастился к театру. Первым увиденным им спектаклем (билет за 15 копеек на галерке) была, по словам Вани, оперетта Оффенбаха «Прекрасная Елена». Ее героиня, мечущаяся между неудачливым Менелаем и ветреным Парисом, стала прототипом чеховских женских театральных персонажей.

В семидесятые годы таганрогский театр насчитывал в своем репертуаре 324 пьесы²². В основном это были французские водевили и фарсы, которые иногда переделывались для рус-

²² См.: Семанова М. Театральные впечатления // Сб. материалов. Ростов, 1960. С. 157–184.

ской сцены, а также оперетты. Ставили и Шекспира: «Гамлета», «Короля Лира», «Венецианского купца». Увлечение «Гамлетом», равно как и его отголоски в чеховской драматургии, уходит корнями в таганрогский театр. Популярная в те времена русская драма, особенно пьесы Островского, вскрывающие мрачные стороны купеческой жизни, – «Бедность не порок», «Гроза», «Волки и овцы», «Лес» – сделали Антона искренним поклонником этого драматурга. Романтическая же драма – Гюго и Шиллер – вызывала у него лишь насмешку, а величайшие европейские оперы – Беллини, Доницетти и Верди, особенно «Риголетто», «Трубадур» и «Бал-маскарад», оставили противоречивые впечатления.

Таганрогская публика была требовательна и несдержанна. Плохого певца могли освидетельствовать и прогнать со сцены. Рецензенты местных газет отличались прекрасным знанием предмета. Гимназисты – поклонники того или иного сопрано – носили разноцветные шарфы. Театр был связан с гимназией невидимыми нитями – один из рабочих сцены предупреждал о готовящихся премьерах, другой помогал укрыться от школьных надзирателей. У актера А. Яковлева сын был гимназистом, и благодаря ему Антон с друзьями (среди них был повеса Николай Соловцов, который вскоре станет режиссером) могли видаться с театральным людом не только на сцене.

В театре устраивали симфонические концерты, но и в самом городе музыка звучала повсюду. В городском саду был собственный оркестр, и долгие годы вход туда был бесплатным. Впрочем, репертуар также контролировался инспектором гимназии, и учащиеся посещали сад только по его разрешению.

Музыка – это было единственное, что могло растрогать до слез лишенного музыкальных талантов Антона. Тлетворное влияние, которое оказывали на мальчиков театр и концертные залы, приводило в ужас Евгению Яковлевну.

Под влиянием профессионального театра в городе стали популярны и любительские спектакли. До тех пор пока от болезни у Антона не ослаб голос, он участвовал в постановках – многие запомнили его городничего в гоголевском «Ревизоре» (Ваня играл в этом же спектакле Хлестакова, Коля – его слугу Осипа, а Маша, стеснявшаяся обниматься на публике, – Марию Антоновну). В 1873 году Парунова сменил на посту директора осанистый и громогласный Эдмунд Рудольфович Рейтлингер. По жене он приходился родственником инспектору Дьякову, и вместе с отцом Федором Покровским они составили всемогущий триумvirат. За Рейтлингера с его твердым следованием официальным установкам министерство могло быть спокойно, и вместе с тем при нем в гимназии установилась терпимая и живая атмосфера – он даже устраивал совместные с женской гимназией концерты и театральные постановки. В обеих гимназиях работали одни и те же учителя. Руководил совместными развлечениями француз Бус-Буссар – его, прекрасного виолончелиста и гостеприимного хозяина, любили и в женской, и в мужской гимназиях. Безвременная смерть Буссара и его могила на таганрогском кладбище нередко тревожили ночные сны Антона в его взрослые годы.

В личности Рейтлингера форма явно преобладала над содержанием (типичный для школьного директора признак популярности среди учеников), однако при всей его недалекости он искренне любил своих подопечных, а Чеховым будто был послан свыше. Как и Парунов, Рейтлингер разглядел в Александре массу талантов и сделал ему деловое предложение. Александр переехал к Рейтлингеру, где мог спокойно заниматься, и в обмен на стол и кров стал репетировать одного из постояльцев. Учеником Александра был Александр Вишневецкий, впоследствии (под псевдонимом Вишневецкий) снискавший себе славу как самый привлекательный (и самый недалекий) актер на первых ролях в Московском Художественном театре. Однако вовсе не Рейтлингер, а юрист Иван Стефановский обратил внимание экзаменационной комиссии на необыкновенную литературную отделку школьных сочинений Антона Чехова, далеко не блестящих в других отношениях.

Перейдя в четвертый класс, Антон чуть было не утратил своих позиций в образованном обществе. Павел Егорович решил подстраховаться от возможных коммерческих неудач, и директор гимназии получил от Коли, Антона и Вани следующее заявление: «Желая обучаться в ремесленном классе при Таганрогском уездном училище по ремеслам (из нас Иван переплетному делу и Николай и Антон сапожно-портняжному), имеем честь просить покорнейше Ваше высочордие сделать распоряжение о допущении нас к изучению вышеозначенных ремеслов, к сему прошению – ученик VI кл. Николай Чехов, ученик IV кл. Антон Чехов, ученик II кл. Иван Чехов».

Колю и Ваню, по всей вероятности, из училища исключили, хотя Ваня стал неплохим переплетчиком. Антон же продержался в училище два учебных года. Судя по воспоминаниям, он сшил пару модных в то время брюк-дудочек, в которых ходил Коля, а в начале 1874 года – жилетку и брюки для себя. Но с тех пор Чехов иголку с ниткой в руки никогда не брал – только по медицинской необходимости.

Летние каникулы перед учебным годом в двух школах Антон провел с матерью и всеми чеховскими отпрысками. Оставив Павла Егоровича на хозяйстве, они погрузились в телегу и, миновав еврейское кладбище, выехали из города и направились к северу, вверх по реке Миус, к роднику Криничка. Ночевали они в степи под звездным небом у поселка Самбек, где на всю округу раздавались пересвисты сусликов. На другой день, преодолев сорок верст, они добрались до Княжей, где Егор Михайлович и Ефросинья Емельяновна, холодно встретив родню (на радушный прием можно было и не надеяться), поселили их в пустующем барском доме. Пятнадцать лет спустя, наблюдая обмолачивающих зерно украинцев, Антон вспоминал, как дед заставлял его работать во время жатвы: «Я по целым дням от зари до зари должен был просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченного зерна; свистки, шипенье и басовой, волчкообразный звук, который издается паровиком в разгар работы, скрип колес, ленивая походка волов, облака пыли, черные, потные лица полсотни человек – все это врезалось в память, как „Отче наш“».

Глава 5

Распад

1874–1876 годы

В 1874 году Павел Егорович Чехов занял денег, чтобы пополнить запас товара. В залог пошел похожий на крепость кирпичный домишко, построенный им (также в кредит) годом раньше на участке в полутора верстах от лавки. Дом предназначался для сдачи внаем, но деловая активность Таганрога пошла на убыль, и постояльцев не нашлось. К тому же подрядчик Мионов обманул Павла Егоровича, сделав стенную кладку толще обычной, – долг Мионову за пошедший в расход лишний кирпич был Чехову уже не по силам. Те же, кто обычно ссуживал Павлу Егоровичу от 200 до 1000 рублей, сами терпели нужду и предлагали банкам векселя в залог собственных долгов – времена наступали тяжелые. Торговую жизнь города перевернула с ног на голову железная дорога. Хотя вокзал был построен не в центре города – уж слишком большие взятки, вероятно, запросили строители, – но до порта рельсы все-таки дотянули. Богатые стали еще богаче, поскольку вагоны угля из степных шахт, а также пшеница и шерсть, поступавшие по железной дороге из зажиточных черноземных деревень, приносили греческим и русским торговцам немалые миллионы. (Семейство Лобода, родня Павла Егоровича по жене, разжилось на поставке из Москвы дешевой галантереи.) Мелкие торговцы, снабжавшие крестьян и извозчиков, неминуемо разорялись. Железнодорожные составы, привозившие в Таганрог пшеницу, доставляли в степные хутора и дешевый товар из Москвы. Таганрог перестал быть поставщиком галантереи, скобяного и «колониального» товара. Грузные повозки теперь редко появлялись на улицах города.

Летом Павел Егорович отказался от аренды лавки и вместе с семьей и постояльцами, включая смекалистого Гавриила Селиванова, перебрался в новый, но уже заложенный дом. Мальчики Андрюшка и Гаврюшка остались без работы; Андрюшку вскоре забрали в армию, где через год он погиб на учениях. Павел Егорович все еще держал три лавки на рыночной площади, но, пожалуй, лишь одному ему было невдомек, что вся его торговля вот-вот прогорит. Между тем в доме прибавилось иждивенцев – к Чеховым вместе с девятилетним сыном Алексеем перебралась овдовевшая тетя Феничка. В комнатах была теснота, зато из верхних окон открывался великолепный вид на море.

В 1874 году Антон впервые занялся сочинительством – в школьном журнале появился его сатирический куплет, возможно нацеленный на инспектора Дьяконова. В памяти брата Михаила сохранилось еще одно четверостишие, нацарапанное Антоном на заборе, – это был ответ на сентиментальное стихотворное послание, написанное на том же заборе жившей по соседству девчушкой:

О поэт заборный в юбке,
Оботри себе ты губки.
Чем стихи тебе писать,
Лучше в куколки играть.

Когда летний зной становился невыносимым, Антон спал на дворе в компании двух черных дворняг и называл себя «Иов под смоковницей». Как-то, неся с базара живую утку, всю дорогу мучил ее: «Пусть все знают, что и мы тоже кушаем уток». Другие его развлечения ничем не отличались от проказ любого городского мальчишки: он наведывался на кладбище «Карантин», где в тридцатые годы, во время эпидемии холеры, закапывали заразные трупы, и выискивал человеческие черепа, лазал по голубятням, ловил щеглов, стрелял по скворцам и, подавляя

в себе жалость, слушал по ночам крики раненых птиц. Этих измученных скворцов он запомнит на всю жизнь.

К этому времени уже расправлял крылья и готовился покинуть родительское гнездо Александр. Летом, имея в кармане лишь несколько рублей, он отправился на пароходе в Севастополь. Он любил прифрантиться и очень бывал доволен, когда его принимали за дворянина. В Феодосии, первом порту по дороге в Крым, Александр посетил копеечную купальню: «За копейку <...> мне дали простыню и лохань с водой для ног, когда я вышел из воды, точно барину какому. Я, конечно, не упустил случая повеличаться и почваниться за копейку. Затем меня подхватили барыни, посадили в фаэтон <...> и повезли по городу...»²³

По возвращении Александр со своими аристократическими замашками снова поселился у Рейтлингера и старался держаться подальше от мещанской родни. На Пасху Павел Егорович упрекал его: «Александр <...> я вижу, мы тебе не нужны, что мы дали волю, которою и сам можешь жить и управлять в таких молодых летах <...> Перемени свой характер <...> В самом тебе живет какой-то дух превознесения, вооружаться, Саша, на нас великий грех!»²⁴

Оперялись и средние братья, Николай с Антоном. В мае 1874 года Антон сдал экзамены и перешел в пятый класс. Он стал частым гостем в доме одноклассника Андрея Дросси. Его сестра, Мария, симпатизировала Антону и за коробочку монпансье ценой в 20 копеек позволила ему взглянуть на свою комнату²⁵. Семейство Дросси торговало зерном и было богато, родители же они были нестрогие. Здесь же Антон подружился с еврейским мальчиком Срулевым. Гости играли в шарady и давали домашние спектакли, а гувернантка устраивала чаепития. Антон сочинял водевили и сам играл в них, однако все свои юношеские рукописи впоследствии уничтожил. В этом же доме он впервые сыграл в пьесах Островского и Гоголя. На спектакль иногда приходил дядя Митрофан и рукоплескал племяннику. Павла Егоровича же среди зрителей никогда не видели – неприязнь между ним и семейством Дросси была взаимной. Марии навсегда запомнилась ее единственная покупка в лавке Павла Егоровича: заплатив за тетрадь три копейки, она по ошибке взяла пятикопеечную. Павел Егорович выскокил вслед за ней из лавки и молча, со злобой, вырвал тетрадь у нее из рук. Именно Мария Дросси впервые обратила внимание на то, что Чехов называл Павла Егоровича отцом, а не папой или папенькой.

Раздражительность Павла Егоровича имела причины. Весной он не смог внести платежа за вторую купеческую гильдию, был из нее исключен и низведен в простые мещане. Это влекло за собой потерю некоторых преимуществ как для него самого, так и для его сыновей – будучи мещанами, они подлежали призыву на военную службу и даже могли подвергаться телесным наказаниям. (В ту весну Антон как раз провалил экзамен по греческому языку и остался на второй год в пятом классе.)

Летом братья в последний раз провели каникулы вместе. Удили рыбу с помощью изобретенного Антоном пробкового поплавка. Тайком от Павла Егоровича брали с собой на рыбалку бутылку сантуринаского и прямо на берегу готовили из улова обед.

Тогда же постоялец Чеховых Гавриил Селиванов пригласил Антона погостить у одного из своих братьев, отъявленного картежника Ивана, недавно женившегося на богатой вдове. Это была первая из четырех или пяти надолго запомнившихся Антону поездок в одичавшее казачье селение – тамошние крепостные и даже скот были насмерть запуганы бесконечными барскими попойками, сопровождавшимися ружейной пальбой. Там, после купания в холодной реке, Антон так сильно заболел, что Иван Селиванов, испугавшись за жизнь мальчика, отвез его к еврейскому трактирщику Моисею Моисеичу. Трактирщик всю ночь ставил Антону

²³ ОР. 331 311. Письма Ал. Чехова родителям. 1874–1896.

²⁴ ОР. 331 81 13. Письма П. Е. Чехова Ал. П. Чехову. Письмо от 13.04.1874.

²⁵ См. ее воспоминания в: Литературное наследство. 1968. С. 538–541.

горчичники и компрессы, а потом его жена еще несколько дней выхаживала больного, чтобы он смог добраться в повозке до дому. В Таганроге «перитонит» Антона пользовал школьный доктор Шремппф, приехавший из эстонского города Дерпта, – под его влиянием Антон решил избрать медицинское поприще. Поправившись, Антон неожиданно увлекся немецким языком – на нем велось преподавание в Дерпте – и сделал в нем заметные успехи.

Летом 1875 года Александр окончил гимназию с серебряной медалью. Несмотря на безденежье, родители решили отправить старших сыновей в Москву – Александра в университет, на факультет естественных наук, а Колю – в Училище живописи, ваяния и зодчества, куда брали учеников даже с незаконченным средним образованием, если они могли предъявить готовые работы. В царствование Александра II военные министры расширили прием на шестилетнюю военную службу – помимо крестьян, военнообязанными были признаны и представители других сословий, не сумевшие получить освобождения. Студенты же получали отсрочку от военной службы, а выпускникам армия и вовсе не грозила.

Седьмого августа, упаковав багаж с помощью дяди Митрофана, Александр и Коля сели в московский поезд. Нельзя сказать, что в столице они были обречены на одиночество – через какое-то время к ним присоединился выпускник таганрогской гимназии Гаузенбаум, а богатый родич Иван Лобода, бывавший в Москве по делу, частенько навещал их. Помимо земляков они разыскали своего двадцатичетырехлетнего двоюродного брата из Калуги, Михаила Чехова (многие произносили его фамилию Чохов). Михаил служил конторщиком в оптовой галантерейной фирме И. Гаврилова, торгового агента шотландской компании «Coats & Paisley's». Гаврилов поставлял товар многим таганрогским купцам – Лободе в особенности – и даже имел дело с Павлом Егоровичем. Михаил, который, в отличие от своих кузенов, не мог блеснуть ученостью, был сметливый малый – подыскал братьям жилье подешевле.

Большой и шумный город ошеломил провинциалов, особенно Колю, который был не столь вынослив и которому предстояли нелегкие испытания в училище. Александр же в день своего двадцатилетия послал домой самодовольное письмо: «Приехали счастливо. Познакомились с Мишей. В разговорах с ним на „Вы“, точь-в-точь как папа с дяденькой. Чувствую, что с ним мы будем жить ладно. <...> Гостиница дрянь великая. Стол в манере танцующий и прихрамывающий на одну ногу. Самовар на нем точно пьяный. <...> Его благородию Антону Павловичу, как старшему из детей в доме, поклонитесь. <...> Если б [Ваня] знал, какие в Москве плюшки! Впрочем, не говорите ему, а то, пожалуй, соблазнится. <...> Николай плюет по углам и под стол. В дороге он все крестился. Даже надоел. Мы с ним за это ссоримся. <...> Миша очень любезен. Квартиры еще не нашли. Вышлите при okazji: скрипку, башлык, калоши мои и ручку для письма...»²⁶

В тот же день Коля в письме домой объяснял, почему он то и дело крестил лоб: «Дорога пошла труская к Курску, в одном месте чуть не столкнулся наш поезд с товарным, если бы только не круг, загораживающий дорогу, не был на пути. Да все пассажиры очень перепугались тогда. <...> Напившись чаю, пошли искать братца Мишеньку. Он перемещен в другой магазин (амбар по-ихнему). Там мы его спросили, и он к нам явился. Франт такой, совершенно неузнаваем по карточке. <...> Здравствуйте, как ваше здоровье, спрашивает он, не зная еще нас, слава Богу, отвечаем мы, ну что же, не узнаете нас? Да, но судя по рассказу И. И. Лободы, если не ошибаюсь, мы ваши братья, перебил Саша, и мы, расцеловавшись, заключили знакомство»²⁷.

Двумя днями позже братья переехали в первую (и далеко не последнюю) квартиру под названием «Меблированные комнаты над кухмистерской, Смирна», в двух минутах ходьбы от училища и в двадцати – от университета. Московские домовладельцы студентов

²⁶ ОР. 331 311. Письма Ал. Чехова П. Е. Чехову. Письмо от 10.08.1875.

²⁷ ОР. 331 82 14. Письма Н. Чехова родителям, 1875–1889.

недолюбливали, но братья пустили в ход обаяние, и безуспешно. По словам Коли, хозяйка «в условии» сказала: «Ради Бога, чтобы скандалов не было, играйте, пойте, танцуйте, но только я боюсь скандалов. Конечно, вы молодые люди, и я не имею права запрещать вам ни в чем».

Александр в университет уже был зачислен, а у Коли в училище возникли недоразумения, так что он даже «заболел от мнений». Тринадцатого августа Александр, разделявший отцовское пристрастие к бухгалтерии, заговорил в своем письме о денежных проблемах: «Определение меня в университет стоило мне 1 руб. <...> Экзамен [Коля], положим, выдержит, но платы всей он взнести не может. Плату 30 руб. серебром нужно вносить 19 августа. <...> Квартира в месяц 5,33, стол 6,50, хлеб к чаю 1,50, стирка 1, освещение 1, итого 15 руб. Без этих денег ему жить никак нельзя. <...> Коля об этом письме не знает. Он окончательно осовел и только все крестится да прикладывает икону ко лбу, уж я думаю, шишку набил. Говоря между нами, он порядочная тряпка».

Спустя четыре дня Александр продолжал жаловаться: «Колина помада, будь она проклята. Он тщательно умасал ею голову и чесался обеими гребешками, так что через это я страшно замаслил себе голову». Однако Павла Егоровича прически сыновей не интересовали. Он решил вовлечь Александра в покупку оптовой партии товара для отправки в Таганрог. Александр был против и, разделяя мнение опытного в коммерции кузена Михаила, объяснял отцу причины:

«Во-первых: когда Лобода узнает об этом, то он в Таганрог пустит товар дешевле Вашего, он не даст Вам ходу. Во-вторых, в Москве можно купить товар сходно только за деньги. <...> В-третьих, покупать товар в кредит, как Вы хотите, то Вам придется купить из третьих-четвертых рук, значит, дороже. В-четвертых, прежде чем отпустить Вам товар, Москва спросит у Лободы, что Вы за человек, а Лобода, конечно, скажет на свою руку. В-пятых, Лобода специалист и уже собаку съел на мануфактурной торговле, а Вам еще надо учиться. В-шестых, у Лободы уже место насиженное и покупатели есть. В-седьмых, Лобода своими ценами Вас совсем задавит. В-восьмых, Вы с ним неизбежно поссоритесь, значит, как ни верти, а все выходит пас. Теперь посудите положение Миши. <...> Миша должен свои деньги платить, да и репутацию потеряет, и хозяин косо посмотрит. <...> Уж как-нибудь тяните на бакалейной, а на красной торговле Вам совсем не повезет».

Впервые отец и сын поменялись ролями: Павел Егорович, похоже, терял власть над обретавшими независимость сыновьями. Как серебряный медалист, Александр всегда мог найти в Москве частные уроки. Взаимные поучения, конечно, могли лишь ухудшить отношения между ними, хотя Александр сочувствовал отцу, с которым непорядочно обошлись таганрогские купцы: «Через какую-нибудь сволочь, которая только своей рожей занимается, и Вам и мне так страдать приходится... от мыслей я стал уже кровью плевать».

Колю денежные проблемы связали по рукам и ногам: он собрался переехать в Петербург, где в Академии художеств платы за учение не брали, но денег на дорогу у него не было. Павел Егорович, уступив многочисленным мольбам, обратился за помощью к Любви Алфераки, жене одного из самых богатых таганрогских купцов. Он просил ее ссудить денег на определение Коли в академию и «дать ему такое образование по художеству, которым многие уже Вами осчастливлены», мотивируя свою просьбу тем, что в течение 12 лет он с сыном пел в придворной церкви, когда они «произносили молитвы ко всевышнему Богу с большим усердием».

Но Алфераки в помощи отказали. Коля чувствовал себя брошенным на произвол судьбы и ужасался от мысли, что ему вместе с Михаилом Чоховым придется прозябать в амбаре у Гаврилова. Александра уязвило безразличие родителей. В ответ на просьбы о помощи братья получали лишь упреки. Евгения Яковлевна подозревала, что Александр обижает Николая, Павел Егорович твердил, что надо почаще бывать в церкви. Александр взывал к ним: «Да еще ради Бога прошу Вас, пишите потеплее, по душе, а то у Вас, папаша, только одни наставления, которые мы с детства зазубрили, выходят».

Евгению Яковлевну расстроило сообщение Александра: «Я был в костеле. Музыка чудесная». В ответ она пишет: «Саша, ты правду молись Богу, а нечего по костелам ходить». На именины она послала сыну два рубля и излила на него поток жалоб, умоляя выпросить для нее у железнодорожного магната Полякова бесплатный билет, чтобы приехать в Москву и помочь Коле устроить его дела. Положение в Таганроге тоже было близко к отчаянному – требовались деньги, чтобы платить за обучение в гимназии Маши, Антона и Вани, но денег не было. После отъезда в Москву старших сыновей Чеховы взяли постоялицей племянницу Селиванова, Сашу. Антон в это время был в деревне и, недомогая, ничего домой не писал. Евгения Яковлевна плакалась Александру: «Коля, должно быть, болен, сердце мое слышит. Мы пустили квартирантов во флигель, а сами как сельди в бочке, я пропадаю от беготни из комнаты в кухню теперь, и, чай, им здесь в комнатах очень тесно...»

Младшие же братья Чеховы наслаждались летними каникулами. Шестнадцатого августа Ваня пишет Александру и Коле: «Было хорошо кататься верхом на лошади. Вчера мама была именинница и просидел в лавке целый день, а позавчера, 14 числа, был обед у дяди Митрофана, где обедали братики и сестрицы и было очень много священников. <...> Я получил первое от вас письмо и понес им там, особенно заняло Камбуровых, когда прочитали, что Коля на каждом шагу крестится. Я здоров, Антон не очень здоров. Остаюсь жив брат Иван Чехов».

В сентябре братья перебрались на новую квартиру – столь скверную, что Александр ее иначе как клоакой и не называл. Старший брат решил отправить Колю на Рождество в Таганрог, сам же туда не собирался: «А мне незачем ехать в Таганрог, он мне опротивел».

В конце концов старшие братья Чеховы сделали то, от чего их все время отговаривала мать: обратились за помощью к еврею. Коля в письме описал визит к Рубинштейну, родственнику знаменитого композитора, известному своим покровительством провинциальным студентам: «Я уж знаю почти пол-Москвы. Был у Рубинштейна. Это маленький жидочка, ростом почти с Мишу нашего, принял меня довольно сухо, по-русски он почти не умел говорить, и потому я говорил через переводчика жида». Коля просил найти ему частных учеников. Рубинштейн обещал помочь. Коля подробно объясняет матери, что у приезжего в Москве одни лишь расходы и никакой возможности найти заработок. (Колины краски все еще хранились у Антона в Таганроге.) Он жаловался: «У меня нет знакомых. Сижу один дома, шляться по Москве уже надоело...» Наконец, 4 сентября он сдал экзамен по математике, был зачислен в училище и начал рисовать. И хотя на завтрак он мог себе позволить съесть лишь полбулки и у него протекали сапоги, его уныние сменилось ликованием. Иван Лобода привез ему из Таганрога скрипку. Коля успокаивает мать словами, которые, наверное, вызвали зависть у брата Антона: «Я знаю и убежден, что теперь только начинается наша жизнь, жизнь вне родительского дома, самостоятельная! А в самостоятельной жизни нужно держать ухо востро и смотреть во все глаза, потому что имеешь дело не с мальчиками, а с людьми пожилыми, а потому с практичными <...> Сегодня я обедал: борщ и яичница, вчера борщ и котлеты отбивные...»

Колина эйфория продлилась всю осень. Среди однокурсников он нашел себе учеников, преподавал им каллиграфию и рисование. При этом, посещая занятия по живописи и архитектуре, он должен был завершить среднее образование. Антон прислал ему свой томик Овидия со словарем. Среди студентов Коля прослыл «художником» и позволял себе наведываться в питейные заведения. Между тем деньги, присланные братьям из дома, быстро иссякли. Александр за стол и квартиру устроился в частный пансион, хозяевами которого были датчане Бруккер и Гренинг, и в университет ходил лишь по вторникам. Колины причуды выводили его из себя – работал брат от случая к случаю, мылся крайне редко и иногда даже мочился в постель. В октябре Александр жаловался в письме Антону:

«Пишу на одре полуспящ, ибо уже два часа. Николай давно храпит после целодневного „некогда“. Умаялся бедняга. Навонял мне полную комнату. Странно он спит. Укрывается так, что голова и спина с принадлежащею к ней частью закрыты, а ноги на целый аршин открыты.

Беда мне с ним, шляется по вечерам босиком, ходит без чулок, в сапогах у него грязь <...> ноги грязные. В субботу был в бане, а в воскресенье ноги, как у эфиопа. <...> Наводнения у нас почти еженощные, а днем вся гниль сушится у меня в комнате. Клянусь тебе Богом, что мне через его жопу откажут от места. <...> Мамаша все боится, чтобы я его не обижал, а сама обижает, не хлопача о приобретении пальто для него, а папаша чудеса устраивает, пишет, чтобы мы заняли у кого-нибудь денег».

Хотя ученики платили Бруккеру 700 рублей в год, пансион обанкротился, и Александр лишился не только жалованья, но и пропитания. Ноябрь выдался холодным, но в здании перестали топить, среди учеников начались простуды, и родители разобрали детей по домам, Гренинг, компаньон Бруккера, покинул заведение вместе с Александром. Некий князь Воронцов, несмотря на порочащее письмо от жены Бруккера, предложил Александру за стол и квартиру заниматься со своим сыном. Коля же снова погряз в нищете и жалобно писал родителям: «Саша выехал, а я шлялся весь день по городу, искал квартиру и вечером пришел голодный, с утра ничего не евший, домой, спросил поесть, мне сказали „ничего“. Саша уже у Воронцова, а я сижу в комнатке, а в доме революция, якобы Саша отбил всех учеников, которых взяли за неисправности родители. Там, за стеной моей комнаты, Бруккер бушует, а я сижу, думаю, вот-вот скажет „убирайтесь“».

В декабре 10 рублей заплатить за жилье Коле дал Лобода, но положение его продолжало оставаться отчаянным: «Если вы пришлете только рубль, так я с 8-го буду ночевать в 28 градус мороза под Сухаревкой и умру с голода, если мне никто не займет». В Таганроге же дела совсем пошли под гору. Евгения Яковлевна писала Александру, что больше не в состоянии тянуть семью, а о том, чтобы помочь в Москве братьям, и речи быть не могло: «Антоша и Ванька целую неделю сидели дома, плату требуют, а у нас нет денег. Вчера, 9 октября, ходил Павел Егорович, просил директора Ваню уволить <?>, а Антоша и теперь дома, за него надо платить и за Машу всего 42 рубля. Вот и не горюй! А я так стала слаба от заботы, что едва хожу, если бы здоровье, хоть бы заработала что-нибудь <...> Вчера весь день лежала <...> Присила у Селиванова 30 руб. на три года по 10 руб. выплачивать. Он не дал <...> Я как маленькая в бреду, что нам делать с Колей, ему не надо на ночь чаю пить. Смотри, пожалуйста, за его бельем, чтобы он не бросал да не сгнил. Я даже плачу, что до сих пор вам денег не посылали. <...> Папаша не от скупости вам не посылает, а сам Бог видит, что у него нет. В этом месяце надо проценты в банк за дом 50 руб. <...> Ваню опять выслали из гимназии, Дьяконов прямо прогнал, Покровский за нас заступался, а Дьяконов и слышать не хотел, вот и не горюй, а денег нет».

Декабрь в том году в Таганроге выдался суровый – Евгения Яковлевна обморозила руки. В своих письмах она неустанно благодарит Лободу за то, что тот не бросает в беде ее сыновей и даже дал ей денег, чтобы Коля смог на Рождество приехать домой. Однако железнодорожные пути занесло снегом, и Коля на несколько дней застрял на Матвеевском кургане, в 60 верстах от города. Ему на выручку послали Антона с извозчиком и шубами. Коля пробыл в Таганроге до февраля – к тому времени движение поездов возобновилось, и он раздобыл у знакомых денег на обратный билет.

В новогодние праздники Коля времени даром не терял – навещал дам своего сердца. Мешая сразу несколько языков, он заверял Александра в том, что Мария Файст, его суженая, по-прежнему любит его: «Quand je disais que tu пополняешь снова, elle disait toujours: „Молодец!“ <...> Не знаю, как мне придется выехать отсюда; Vater отказывается присылать деньги. Я сказал, что если к 15-му не отправят, то украду да приеду. Vater envoie pour moi de tabac, déjà 2 fois. Ваня – отродие такое, что нет никому покоя»²⁸.

²⁸ ОР. 331 33 12а. Это письмо (от 2 января 1876 г.) вложено в письма Е. Я. Чеховой Александру и Николаю – Когда я говорил, что ты [пополняешь снова], она всякий раз говорила [„Молодец“] (*фр.*) Отец (*нем.*) [отказывается присылать деньги]. Отец посылал мне табак уже два раза (*фр.*).

Антон тоже сообщал Александру о Марии Файст – на ломаном немецком. Третьего марта он написал свое первое дошедшее до нас письмо: «Ich war gestern im Hause Alferakis auf einen Konzert, und sah dort deine Marie Faist und ihre Schwester Luise. Ich habe eine открытие gemacht: Luise ревнует dich к Marie und наоборот. Sie fragten mich von dir, поодиночке, наперерыв. A was ist das? Du bist ein ...»²⁹

Евгения Яковлевна и Павел Егорович всеми силами пытались вытрясти из должников каждую копейку. Задолжала за постой Саша Селиванова, однако приехал дядя и забрал ее к себе – платить за нее было некому. На отопление дома уходил рубль в день – и это оказалось Чеховым не под силу: жильцы собирались погреться на кухне. В такой обстановке Антон как-то ухитрился получить пятерки по Закону Божьему и немецкому языку. Когда Коля наконец собрался уезжать, младшие братья кричали: «Берите и нас туда!» Однако на этот раз в Москву поехали не они.

На Пасху, в апреле, состоялся семейный совет: из Крепкой, оставив дома ослепшую жену, в Таганрог приехал Егор Михайлович. Прочитав письма внуков, он согласился с тем, что Павлу Егоровичу стоит поехать в Москву попытать счастья. Другого выхода для семьи не видел и Лобода – у всех векселей уже выходили сроки. В России долговые тюрьмы существовали вплоть до 1879 года, и, несмотря на то что Павел Егорович служил ратманом в таганрогской полиции, он вполне мог угодить в эту «яму». Евгения Яковлевна сказала свекру, что денег нет даже на билет до Москвы. К ее изумлению, как писала она потом Александру, «он нас пожалел и дал на проезд денег <...> хоть бы вы за нас его поблагодарили в этот раз, он нам так помог, что я его не умела поблагодарить за все благодеяния, он стар, а трудится для всех детей понемногу, ради Бога, напишите ему и поблагодарите, тогда Коле дал 10 рублей...» Положение сыновей привело Егора Михайловича в смятение: в Калуге умер Михаил, в Таганроге Митрофан едва сводил концы с концами, а Павел был готов податься хоть на край света от позора.

Начали разрабатывать план внезапного побега. Лобода отказался выкупить оставшийся товар – Чеховым пришлось припрятать его в конюшне. Евгению Яковлевну попеременно охватывало то отчаяние, то безотчетная надежда. Вот что она писала 8 апреля Александру и Коле: «Я так тоскую <...> обессилела, вы меня теперь не узнаете, кто встретится, тот удивится, что я так разом постарела, да, вот еще что: нельзя ли Папаше или нам найти в Москве маленькую лавочку на хорошем месте...»³⁰

Евгении Яковлевне удалось собрать для Коли 11 рублей, которые он задолжал училищу, и вместе с пасхальным куличом и яйцами она отправила деньги в Москву со знакомым купцом. Между тем она начала собирать в дорогу и Павла Егоровича. Лавки на рынке заперли, ключи доверили младшему брату Ивана Лободы – Онуфрию. Тогда же подошел срок уплаты ссуды в 500 рублей, взятой Павлом Егоровичем в Обществе взаимного кредита для постройки дома. Поручитель Чехова, купец по фамилии Костенко, выплатил долг и предъявил встречный иск Павлу Егоровичу. Подрядчик Миронов пытался в это же время получить с него долг в 1000 рублей.

Двадцать третьего апреля, чуть забрезжило, Павел Егорович, дабы избежать кредиторов на вокзале, покинул Таганрог в запряженной лошадью повозке. Доехав до первого степного полустанка, он пересел на московский поезд. В два часа дня 25 апреля он был уже в Москве. В Таганроге вся тяжесть борьбы за выживание семьи легла на плечи Антона.

²⁹ Вчера я был в доме Алфераки на концерте и видел там твою Марию Файст и сестру ее Луизу. Я ненароком совершил [открытие]: Луиза [ревнует] тебя к Мари и [наоборот]. Она спрашивает меня о тебе [поодиночке, наперерыв]. А что бы это значило? Ты просто... (нем.)

³⁰ ОР. 331 33 12а. Письмо Е. Я. Чеховой сыновьям Александру и Николаю.

Глава 6

Великая нужда

1876 год

В последующие три года, с 1876-го по 1879-й, на долю Антона Чехова выпали тяжелые испытания. Большая часть его писем в Москву отцу и братьям не сохранилась, но их письма к нему, а также письма матери и дяди Митрофана ярко свидетельствуют о преследовавших семью нескончаемых лишениях.

В шестнадцать лет Антону пришлось стать главой семьи. Отныне только он улаживал дела с кредиторами и должниками, пытался удержать связи с внезапно охладевшими родственниками и друзьями, утешить страдающую мать и подбодрить впавших в отчаяние братьев и сестру. Друг семьи Гавриил Селиванов проявил себя расчетливым дельцом – мрачный комизм «Вишневого сада» с его торгами, обращением Лопухина из друга в хищного стяжателя и разрушением семьи берет свое начало в таганрогском отрочестве Антона. Преодолевая невзгоды, Антон воспитывал в себе силу воли и стойкость характера.

Удивительно, что, задавленный долгами, Антон стал лучше учиться. Не ослабевал и его интерес к театру и музыке. Тогда же проявилось новое увлечение – он стал посещать танцевальный класс учителя Вронди³¹.

В это же время Антон начал выпускать рукописный школьный журнал «Заика». Александру, которому брат послал несколько выпусков, эта затея понравилась – он даже показал журналы Михаилу Чохову, и все в гавриловском амбаре, включая самого хозяина, нашли «Заику» очень забавным. В 1876 году для Антона открылось новое окно в мир – Таганрогская публичная библиотека. Школьные власти с неохотой позволяли учащимся пользоваться ею: куда надежней была школьная библиотека со специально подобранными книгами, которая отсекала доступ к «либеральным» или «подстрекательским» изданиям вроде сатирических еженедельников или серьезных ежемесячных журналов – излюбленного чтения русской интеллигенции. (В гимназии лишь отец Федор Покровский выписывал такие «подрывные» издания, как «Отечественные записки».) Антон стал посещать библиотеку начиная с 1877 года; иногда ему приходилось забирать двухрублевый залог, чтобы купить еды.

Московские и петербургские сатирические еженедельники будоражили умы таганрогской молодежи. Рассчитанные на новые интеллигентские круги обеих столиц – на независимых в суждениях студентов и разночинцев, эти издания не щадили известных общественных лиц и высмеивали устоявшиеся взгляды. Они поощряли участие читателей – присланные ими фельетоны, карикатуры и полемические статьи публиковались с выплатой гонорара. Антон начал пересылать сочиненные им смешные истории Александру – на редактуру и для публикации через его университетских знакомых.

Первые московские письма Павла Егоровича полны энтузиазма – даже теперь, без копейки в кармане и в полной зависимости от сыновей, он был не в состоянии оценить трагикомизм своего положения. Едва приехав в Москву, он снова принялся поучать: «Милые и родные наши Евочка, Антоша, Ваня, Маша и Миша. Вчера я приехал в Москву в 2 часа пополудни благополучно. Встретил меня Коля на вокзале, с которым мы сели на извозчика приехали на Квартиру, где ожидал нас Саша. Они были весьма рады моему приезду. Поговоривши с ними, мы пошли по Москве, а потом зашли в Кухмистерскую пообедать хорошенько. Три обеда стоили 60 коп. И 1 бутылка Кваса 7 коп. Видел я училище, где Коля учится, Универси-

³¹ В конце своей жизни Вронди вспоминает, что Антон был способным и самым любимым его учеником. После занятий они, бывало, играли в лото.

тет, Почтамт, Телеграф <...> „Спас на Бору“. Когда мы взойшли туда помолиться, нам показали мощи Святейшие Стефана Пермского <...> Квартира удобная на троих, хозяйка добрая, только меня удивило, что они своей комнаты никогда не запирают, когда уходят, говорят, так надо, а между прочим, прислуга убирает наемная, может что-нибудь взять, дай Бог, чтоб было благополучно. <...> Москва не похожа на наш Таганрог, вечно шумит, народ кипит, народ живет жизнью, какою должно жить, во всем порядок, и всякий знает свое дело <...> Прошу вас, дети <...> слушать Мамашу, не огорчать ее, не спорьтесь между собою, занимайтесь уроками хорошенько. Ваня, смотри, старайся. Экзамены приближаются. Прощайте, мои дорогие. Я всегда с Вами. П. Чехов»³².

Павел Егорович с сыновьями поселились втроем в комнате дома, принадлежавшего Каролине Шварцкопф и ее родне, Полеваевым. Дом находился в районе Грачевка, о котором шла дурная слава – в народе его прозвали Драчевкой. Сестры Полеваевы прослыли дамами весьма вольного поведения, и позже Мария Чехова обвинила их в том, что они скверно повлияли на Александра и Колю.

Однако Павел Егорович еще был далек от подобных подозрений – его целиком поглотили паломничества по святым местам. Он дневал и ночевал в Троице-Сергиевой лавре и писал наставления Евгении Яковлевне. С поисками работы он не спешил – Коля, как сообщал он жене, рисовал в музее копии с картин, и какой-то магазин уже предложил ему за одну работу 25 рублей. Антону Павел Егорович велел припрятать от кредиторов мебель и не подпускать к дому судебных приставов. Деньги от продажи мебели должны были пойти на оплату билетов в Москву для всей семьи. Дабы отвести от себя кредиторов, Павел Егорович переписал оставшийся товар на Феничку. Шестого мая самодовольный отец семейства писал в Таганрог детям: «Милые дети <...> Если будете жить хорошо, я вас возьму в Москву. Тут есть много учебных Заведений, Гимназий <...> А пока все это устроится, вы молчите, никому не разглашайте, старайтесь издать экзамены получше и получить Аттестат, может быть, вы уже последний год в Таганрогской гимназии учитесь. Повторяю, никому ничего не говорите об этом. Спасибо, Антоша, за письмо и за то, что ты хозяйничаешь в доме и ходишь за долгами <...> Ваня <...> дожди пошли, и я очень рад и что ты поставил бочку под трубу <...> Миша хороший мальчик, он постарается мне написать, как он учится. <...> А также и Маша, вероятно, не забыла, что я ей приказывал, когда я уезжал в Москву, чтобы она училась хорошо в Гимназии и по три раза в день играла в фортепьяно, по моей методе, не спеша, смотреть в ноты и ни одну не пропускать. Если она будет хорошо играть, тогда я переведу Вас в Москву и куплю хороший фортепиан и нот, тогда вполне будет она Артистка играть на Форуме».

Однако спустя неделю в письме к жене Павел Егорович был уже не столь оптимистичен насчет счастливого избавления от напастей – он не питал доверия ни к кредиторам, ни к «доброжелателям». Тем не менее он был уверен, что дом еще можно продать за сумму, превышающую его долги. В тот же самый день, выпавший на праздник Вознесения, Евгения Яковлевна пытается спустить Павла Егоровича с небес на землю: «Милый мой Павел Егорович, письмо твое мы получили, в котором ты пишешь, чтобы мы продавали дом, я давно желала продать, только бы разделаться с долгами, да покупателей нет <...> Вот я придумала, говорю, иди, Антоша, к Точиловскому, он дает деньги под залог <...> Точиловский как крикнет, что на этом болоте Боже меня сохрани, нет, не надо, я не хочу с Таганрогом иметь дело, с тем Антоша и пришел домой, а теперь не знаю, к кому обратиться <...> Вчера, 13 числа, сидим мы чай пьем, слышим звонок, отворили дверь, является Грохольский с бумагами, первый был вопрос: дома Павел Егорыч, мы говорим нет <...> Я спросила Грохольского, он не будет беспокоить Павла Егорыча в Москве, а он говорит, так вы предупредите вашего мужа, я вот что советую тебе сделать, дорогой мой, ты напиши <...> открытое письмо нам всем, что ты выезжа-

³² ОР. 331 81 11. Письма П. Е. Чехова к жене и детям. 1876–1890.

еешь в Тамбов <...> или куда хочешь <...> говорят, потребуют от нас письмо твое, точно ли тебя нет и где находишься <...> Меня тоска и забота одолела, а тут смотрим старая нянька в среду под Вознесенье, нарошно, говорит, приехалась проведать вас <...> Я собралась с духом и сказала ей: няня, я теперь не могу тебя оставить, у меня кухарки нет, я одна <...> Помоги тебе Господи, да бери нас скорей, а то так можно скоро с ума сойти, Саша уже записан на листе, что в военную повинность что ли, не знаю, как сказать, на заборах прилеплено <...> Я надеялась, что дом заложим <...> а теперь ума не приложу, что делать. Скорей отвечай. Е. Чехова»³³.

Приезжающим в Москву на жительство надлежало зарегистрироваться в полиции. По счастью, Полеваевы не были законопослушны и бумаг от Павла Егоровича не требовали. Ареста ему удалось избежать, а вот помочь семье он, увы, ничем не мог. Антон, в сущности еще мальчишка, был не в состоянии расправиться с должниками или отбиться от кредиторов, даже при том, что иные из них, например Грохольский, были родителями его школьных друзей. Да и Миронов с Костенко, которым был заложен дом, желали получить причитающиеся деньги. У Павла Егоровича еще оставались какие-то надежды на помощь церковного Братства, но и с ними пришлось распрощаться. Девятого июня он жаловался жене: «Насчет наших пакостных дел, уже и охота отпала про них даже толковать. Я в письме писал, что 300 руб. квитанций Костенку отдать в счет уплаты <...> Миронов во всем повредил, протестовал не по-христиански, а так и лихой Татарин не сделает <...> Насчет того, Евочка, что ты хочешь Ризы с Икон закладывать, как можно, неужели вы пришли в такую крайность, что кроме того нельзя обойтись...»³⁴

Павел Егорович совсем растерялся оттого, что навлек на свою семью большие тяготы, и ему лишь оставалось нахваливать жену и сына за стойкость в суровых испытаниях. Не оставляло его и чувство, что он предан близкими ему людьми. Гавриил Селиванов когда-то говорил Евгении Яковлевне: «Для вас, мамаша, я все сделаю». Он вернул к ним постоялицей свою племянницу Сашу (она жила в одной комнате с Машей). Селиванов был прекрасно осведомлен о том, что происходит в коммерческих судах, и дождался подходящего момента. До того как дом Чеховых был выставлен на торги, он заключил сделку с Мироновым, Костенко и судебными исполнителями. Он внес за дом всего лишь 500 рублей и пообещал Костенко, что деньги от продажи мебели пойдут на уплату процентов по долгу Павла Егоровича. По воспоминаниям Маши, в июле Селиванов объявил Евгении Яковлевне: «Я оплатил вексель, и, простите, мамаша, теперь это мой дом». Однако из письма матери Антону от 12 марта 1877 года можно понять, что это было не предательство, а одолжение, о котором просил Селиванова Антон, чтобы защитить семью от более хищных кредиторов.

На протяжении следующих полутора лет Селиванов не раз предлагал Чеховым выкупить дом за ту сумму, которую заплатил сам, – выгадывая таким образом для них 500 рублей. Но и ему в конце концов надоело урезонивать недальновидных домохозяев. Он отремонтировал дом и даже подумывал поселиться в нем, обзаведясь семьей. Чеховы все еще лелеяли надежду, что Селиванов – лишь номинальный покупатель их недвижимости и что таков был его план спасения дома. В октябре (к тому времени в Таганроге оставались лишь Антон с Ваней) у Павла Егоровича насчет Селиванова еще не было никаких сомнений – он вел с ним переписку и даже поручил по доверенности сдать дом внаем³⁵.

Чеховы не могли считать себя обманутыми – они так и не собрали 500 рублей, которые просил за дом Селиванов. Коля и Антон всегда следовали его советам и доверяли ему, как дяде Митрофану. Добрые отношения между Чеховыми и Селивановыми никогда не прерывались, а дружеская переписка с племянницей Сашей и прочей селивановской родней лишней раз доказывает, что Гавриил был расчетливым дельцом, но отнюдь не жуликом.

³³ ОР. 331 33 125. Письма Е. Я. Чеховой П. Е. Чехову. 1876–1890.

³⁴ ОР. 331 81 12. Письма П. Е. Чехова Е. Я. Чеховой. 1876, 1889, 1891 гг.

³⁵ ОР. 331 81 38. Письма П. Е. Чехова Г. П. Селиванову.

Куда больше огорчало Чеховых то, что брат Митрофан в минуту невзгоды смог предложить им лишь сдержанное сочувствие. Письма его были полны велеречивых проповедей (Александр называл Митрофана с женою «святыми отцами») – по мнению Митрофана, все выпавшие на долю Чеховых испытания были от Бога³⁶. Когда Павел Егорович попросил у него денег, Митрофан стал жаловаться на собственную бедность, хотя долгов у него не было, и все, что он смог сделать для семьи брата, – это подкармливать Антона, принять на хранение ценности Евгении Яковлевны и послать Павлу Егоровичу в Москву три рубля. Братская любовь посланных Богом испытаний не выдержала. В сентябре Александр докладывал Антону: «Прежде он не позволял никому сказать что-либо худое о своем брате с его супружницей, а теперь не пропускает случая пакостить их, чего, впрочем, они вполне достойны. Раз даже он дошел до того, что, говоря про них, сказал: „Книжники, сукины дети“. <...> Селиванов, по моему мнению, тысячу раз прав, подстрекая мать против святых отцов».

Третьего июня, повидавшись с отцом, Митрофан Егорович писал брату: «За ваши обстоятельства папинька и все мы весьма скорбим. Евгению Яковлевну видим мы в большом горе; она схудала, а также Антон схудал. Только нам неизвестно, как вы живете в Москве, что делаете, чем питаетесь. Посещение Божие великое постигло вас <...> Евгения Яковлевна сегодня с удовольствием выпила у нас, выпроваживая папиньку, рюмку хорошего вина, сказавши: с горя, а мы сказали: перед радостью. Миронов желает вам спасения, но вы молитесь за него».

Павел Егорович в спор с братом на эти темы не вступал, однако Антону за малодушие досталось: «Антоша! Мне передают, что будто ты и Мамаша исхудали. Это отчего так, сам же ты пишешь мне: Папаша, мужайтесь и крепитесь, бодрствуйте и молитесь. Ну я так и делаю. Значит, и ты такой же трус и малодушен, как твой старший Брат, он куда какой храбрый, готов хоть куда, а как придется что-нибудь серьезное делать, то он и назад пятится. Антоша, береги Мамашу, если что случится, ты будешь отвечать. Ей можно бы к нам ехать, может, вы соберете хоть 100 руб. ей на дорогу. Оно и здесь не сахар жить, и узнал, все Москва ловко чистит нашего брата».

Павел Егорович, считая собственную жизнь великим жертвоприношением, наставлял Антона: «Мы для вас пожертвовали всем своим состоянием, здоровьем, не имеем ни одного дня покойного во всю жизнь, заботились, трудились, все переносили, терпели, хлопотали, как бы вас получше образовать, сделать умными, чтобы впоследствии вам легче нашего было жить». Другим же детям посылались поручения вымыть бочки в погребе или разузнать о последних слушавшихся в таганрогском суде делах проворовавшихся купцов, а также упрёки за плохие школьные отметки. К тому времени Павел Егорович с сыновьями переехали из тринадцатирублевой комнаты в семирублевую, в том же доме. На каникулы Александр и Коля вместе с Полеваевой уехали в деревню, оставив Павла Егоровича одного в городе. Он делился недовольством с Антоном: «Мы здесь не знаем вкус говядины, ни картошки, ни рыбы, ни уксусу. <...> Скажи Мамаше, пусть она никого не пускает в Дом и не показывается должникам, сказать, что Дома нет или нездорова, принять не может <...> Продавайте мебель, Зеркала и кровати, собирайте деньги и отправляйте Мамашу в Москву».

Антону было досадно, что его оставили в Таганроге добывать пропитание не только для себя, но и для других членов обедневшего семейства. Павел Егорович не принимал его жалоб: «Антоша <...> я удивляюсь, отчего вам так хочется ехать в Москву <...> тебя в одну ночь клопы съедят, я таких огромных насекомых в жизни не видывал. Хуже таганрогских креди-

³⁶ Митрофан следовал поучениям своего «духовного наставника», протоиерея Василия Бандакова, чьи «Краткие простонародные учения» широко использовались не желавшими утруждать себя священниками. Одна из проповедей Бандакова имеет подзаголовок, указывающий на то, что была написана в доме Чеховых. В 1890 году по просьбе Митрофана Антон написал ему некролог: «Проповедовал он при всяком удобном случае, не стесняясь ни временем, ни местом. <...> Неурожаи повальные, болезни, солдатский набор, открытие нового клуба – ничто не ускользало от его внимания <...> Как проповедник, он был страстен, смел и часто резок, но всегда справедлив и нелюбим».

торов, прямо рукою сгребая ночью с подушки. Ты пишешь, что если я найду или не найду места, все равно надо ехать, а не рассчитывать, что в Москве без денег жить невозможно. <...> Я без дела положительно с ума схожу, от безделия ослабел, еще в жизни не испытывал такого мучительного положения <...> Мамаша пишет, что ее не выпустят из Таганрога, а что она кому должна. Я удивляюсь такому мнению».

С особым нетерпением приезда в Москву матери с Машей и Мишей дожидался Коля. Как и отец, он считал, что Антону и Ване следует остаться в Таганроге. Он также сходил с Павлом Егоровичем в том, что тому не стоит соглашаться на работу меньше чем за 50 рублей в месяц. Однако едва ли кто в Москве взял бы на работу немолодого разорившегося купца даже за половину этой суммы. Гаврилов, хозяин Михаила Чехова, Павлу Егоровичу отказал сразу: «Зачем вы сюда приехали?» Кроме того, Павел Егорович, как несостоятельный должник, не имел права на жительство в Москве, и любой кредитор мог потребовать его выдачи таганрогским властям. Александр и Коля не раз наблюдали, как беглых должников препровождали под конвоем на вокзал. Они убеждали отца посмотреть правде в глаза: поехав в Таганрог, объявить себя банкротом и вернуться в Москву открыто, с паспортом. О том же толковал и его таганрогский знакомец, письмоводитель Анисим Петров – впрочем, в семье Чеховых его считали филером. Коля «просил Антона выяснить у Селиванова, не предпринимают ли власти Таганрога действий по поимке Павла Егоровича. К Колину полному беспокойства письму от 9 июня Павел Егорович сердито приписал: «Что меня искать, когда с меня нечего взять, пустой я остался, да и слава Богу».

В середине июня Павлу Егоровичу повезло: он купил за 115 рублей 90 фунтов чаю и, развесив его в магазине Гаврилова в фунтовые пачки, получил 9 рублей прибыли. Гаврилов к тому же позволил ему взять домой образцы. В Чехове-старшем снова проснулся неисправимый оптимист, и к концу месяца в письме к жене он уже расписывал будущее яркими красками: «Приезжай в Москву, возьми с собой Машу. Хоть 50 рублей собери да езжай. Квартиру найдем здесь или на даче. В Москве воздух хорош, я поправился здоровьем. Я уж за Таганрогом не жалею и не хочу ехать. Кто будет в доме – Антоша один. Оставляй на Феничку. <...> Когда будешь ехать, возьми с собою вещи ценные, ризы. Здесь можно заложить и взять хорошие деньги, проценты небольшие, 1,5 в месяц. Заработаем деньги, возьмем опять вещи обратно. Если шубу лисью мою нельзя отдать Митрофану Егоровичу, то вези с собою, здесь заложим и возьмем денег сколько нужно. У Вас там беда, с голоду умрешь, а здесь нам и кредит есть. Лобода здесь со мною хорош и уважителен. Он говорит, тебя видел у своих. Должно быть, дети наши обносились, зато у нас всего много, мы живем Барствуем...»

Тем временем Митрофан Егорович пытался убедить брата, что хлопочет о его судьбе: «Также и прочие все Вам сочувствуют и страдают, и никто не думает, что Вы с намерением что сделали <...> Григорий Басов был у меня 18 числа сего месяца, показал Ваш вексель на 200 рублей и сказал: „Напишите брату, что я последнее свое имение заложил и выкупил вексель, который протестовать не буду, а желал бы, чтобы Павел Егорович переметил, потому что в банке обещались его принять“».

Двадцать девятого июня Ефросинья Емельяновна, к тому времени потерявшая зрение, сломала ногу. Больше она уже не вставала. Человек, доставивший в Таганрог письмо с печальным известием, по желанию Егора Михайловича забрал в Княжью Ваню и Мишу. Одиннадцатого июля умер сын Митрофана Егоровича, младенец Иван.

Между тем Евгения Яковлевна, собрав деньги от продажи кое-какой утвари и прибавив к ним то, что заработал частными уроками Антон, купила три билета в Москву. Двадцать третьего июля, взяв с собой Машу и Мишу, она села в поезд. Дом Чеховых опустел. Родители оставили в Таганроге сыновей своих, Антона и Ивана, на произвол судьбы.

Ваня собирался переехать к вдовствующей тетке Марфе Яковлевне Морозовой, которая, несмотря на имевшиеся в семье Лободы деньги, не стала оплачивать его обучение. Антон про-

вел месяц в деревне у родственников Селиванова – там он снова слег на две недели в постель, на этот раз, скорее всего, с грыжей. В Таганроге он поселился у Селиванова, согласившись за стол и квартиру готовить его племянника, казачка Петю Кравцова, к поступлению в юнкерское училище, а жизнерадостную племянницу Сашу Селиванову – к средней школе. У Саши было красное в черный горох платье – Антон прозвал ее Козывкой, и между ними завязался шуточный романчик, растянувшийся на долгие годы. Как-то раз их спугнули со скамьи неподалеку от широкой лестницы, ведущей к морю: ворковавшие голубки вспорхнули и скрылись в ближайшей подворотне³⁷.

Судя по письмам Пети Кравцова и по тому, что Саша в результате стала школьной учительницей, первая любовь не помешала Антону старательно исполнить свой репетиторский долг. Между ним и Селивановым установилось полное взаимопонимание. Спустя четыре года тот писал Антону: «Скажу Вам без всяких обиняков, что мы (при приглашении к себе на квартиру) с двух слов друг друга поняли и в душе было признано, что Вы мне необходимы, так точно, как и я Вам был необходим, и сейчас кажется, взаимно обязаны между собой...»³⁸

³⁷ РГАЛИ. 860 1576. *Ильков М. И.* Воспоминания (машинопись).

³⁸ ОР. 331 58 29. Письма Г. П. Селиванова А. П. Чехову.

Глава 7

Покинутые 1876–1877 годы

Уехав в Москву, Евгения Яковлевна поручила Антону множество дел: продать мебель, найти постояльцев, собрать деньги с должников. Но самое худшее, пожалуй, было позади – кредиторы Павла Егоровича уже оставили надежду вытрясти свои деньги из двух гимназистов. Квартирюя у Селиванова и столуясь у дядюшек и тетушек, братья Чеховы могли не бояться, что в дверь постучит судебный пристав. Летние каникулы они весело проводили в гостях у Ивана Селиванова или его сестры Натальи Кравцовой. Гостя в имении Кравцовых (в семье было четверо детей), где даже куры и свиньи одичали от небрежения, Антон с Петей с ружьем добывали себе пропитание. Здесь же Антон катался на неоседланных жеребцах и, по его собственному признанию, подсматривал за купающимися нагишом молодыми крестьянками. У одной из них он даже сорвал у колодца безмолвный поцелуй³⁹.

Шестнадцатого августа в гимназии начались занятия, и Антону пришлось немного обуздать себя. Судя по его библиотечной карточке, он взялся за классику – от Сервантеса до Тургенева. В том году он перешел в шестой класс – лучшие ученики уже видели себя в недалеком будущем преуспевающими докторами и юристами. Антону же хорошо давался Закон Божий – недаром его отец и дядя были членами религиозного Братства. Считалось само собой разумеющимся, что он примет священнический сан – отсюда и прозвище Благодетельный Антоша. К слову сказать, мало кто из выпускников таганрогской гимназии тех лет пошел в церковнослужители; куда больше она дала представителей интеллигенции – одних врачей можно насчитать более десятка⁴⁰. В свободное от занятий время гимназисты пускались во все тяжкие – ходили по притонам, играли в карты, пили, курили и баловались домашними театральными постановками. Домохозяйка сквозь пальцы смотрела на молодежные забавы. Излюбленным местом великовозрастных гимназистов был таганрогский публичный дом. (Позже Чехов признавался, что со своей невинностью он расстался в 13 лет – очевидно, именно в этом злочастном заведении⁴¹.)

В доме Марфы Морозовой Ваня не прижился – там при малейшем непослушании детям задавали трепку – и вернулся домой к добрейшей тете Феничке, хотя столовался он по-прежнему в семействе Лободы. Первого ноября Митрофан Егорович докладывал брату: «В отношении Вани, он, по его выражению, живет превосходно <...> Всегда сыт, никем независим <...> Живет с Феодосьей Яковлевной, недавно с неделю начал ходить в Гимназию; деньги имеет за переплет: об нем он просит вас не скучать и не заботиться». Спустя две недели последовали кое-какие уточнения: «Ваня до последних чисел октября не ходил в Гимназию, но в двадцатых был концерт в гимназической зале в пользу бедных учеников, который вышел удачным. На другой день Ваня начал ходить в класс и получает отметки хорошие».

Антон же Митрофан Егорович видел реже – он забегал иногда за почтовой маркой или чаю напиться. Павел Егорович всю зиму заваливал Антона поручениями: «Я писал тебе, чтобы стенные часы отдать Митрофану Егоровичу, а ты их продал <...> Мамаша ждала

³⁹ ОР. 331 59 71а. Письмо А. А. Суворина А. П. Чехову. 8.11.1888.

⁴⁰ Позже, во взрослой жизни, судьба не раз сводила Чехова с таганрожцами – докторами Еремеевым, Савельевым, Шамковичем, Тарабриным, Зембулатовым, юристами Коломниным, Коновицером, Крамаровым, Волькенштейнами (одного из которых Антон спас от исключения из гимназии после неприятного антисемитского инцидента), актерами (Вишневецким), писателями (Сергеенко), учеными, государственными служащими и даже революционерами.

⁴¹ Об этом он писал В. А. Тихонову в феврале 1892 года. Таганрогский бордель принадлежал Н. Потоцкому, в 1862 году окончившему гимназию с серебряной медалью. Годы спустя Чехов все еще продолжал расспрашивать о нем знакомых.

от тебя 20 рублей, как услышала, что прислано 12 рублей, залилась горькими слезами». Те три рубля, что Антон зарабатывал частными уроками, едва покрывали его собственные расходы, к тому же он делился заработками со школьным приятелем Срулевым. Селиванов, который стал владельцем дома, тем не менее позволял Павлу Егоровичу получать деньги с живущих в нем постояльцев. Для Павла Егоровича это была последняя надежда. Антон уговорил жившую по соседству вдову Савич снять комнату в их доме. Потом они упустили хорошего квартиранта – раввин Зельцер предлагал снять дом за 225 рублей в год, но Павел Егорович и Селиванов хотели получить с него 300. Павел Егорович, как видно, метил слишком высоко, а Селиванов, возможно, действовал с задней мыслью – он совсем не был заинтересован в том, чтобы Чехов-старший, подкопив денег, смог выкупить у него свой дом. В середине декабря Селиванов неожиданно появился у Чеховых в Москве – он ехал в Петербург навестить брата. Провел он у них не более получаса, и речь шла о долгах Павла Егоровича: тот по-прежнему искренне доверял бывшему постояльцу. Об этом отец писал Антону: «Мы ему были очень рады».

Павел Егорович все еще полагал, что дом принадлежит ему. Двадцать первого декабря он выдал новую доверенность на распоряжение им, на этот раз – родственнику, вдовцу Онуфрию Лободе: «Собственный мне принадлежащий кирпичный дом, крытый железом со всеми к нему принадлежностями, кирпичным Флигелем и каретником, отдавать в наймы под квартиры с условием по цене, по какой признаете выгодной, сроком от одного года и более».

Даже по прошествии трех месяцев Павел Егорович все еще надеялся найти квартирантов. Евгению Яковлевну тем временем стали беспокоить намеки Селиванова на то, кто является истинным владельцем чеховского дома. Весной она пишет отчаянные письма Селиванову и Антону и пытается найти нового избавителя. В Москве, возвращаясь из поездки по святым местам, Чеховых навестили богатые родственники Евгении Яковлевны, Закорюкины из Шуи. Они дали Маше 10 рублей на новое платье и пригласили Евгению Яковлевну с детьми пожить у них в доме: «Я их буду просить, чтобы они [дом] выкупили и потом хоть продадим, Гавриил Парфентьевич заплатит за него 3400 руб. <...> попроси его <...> чтобы Христа ради для меня исполнил свое обещание. Чтобы позволил выкупить и недорого насчитал бы переделку, а нам пока случай есть просить Закорюкиных. Ради Бога, Антоша, хлопочи, поговори с Господином Селивановым <...> только и надежда на Бога, он, царь небесный, вразумит Гавриила Парфентьевича сделать обещанное для нас доброе дело. Наш век очень короток, а если он сделает доброе дело для нас, то долго проживет, а если нет, то и году не проживет, я это дело поручила Святому Иоанну Богослову. <...> Если соглашается Селиванов и не насчитает много за дом, то я в последних числах июня приеду и потом с тобой вместе в Москву домой приедем».

Антон прочел письмо Селиванову, но тот в ответ, фыркнув, заметил, что «мамаша» оказалась глупее, чем он думал. Евгения Яковлевна намеревалась, как только установится погода, отправиться пешком за сорок пять верст в Троице-Сергиеву лавру помолиться за Селиванова. А Павел Егорович уговаривал бывшего постояльца испросить в церковном Братстве 300 рублей вспомоществования.

Шуйские родственники Чеховым посочувствовали, но дома не выкупили. Жить в Москве день ото дня становилось все тяжелей. Павел Егорович по-прежнему искал работу. В феврале он устроился на Троицкое подворье письмоводителем у подрядчика, однако дня через два его прогнали. Всю прошедшую осень и зиму он провел без дела, в пустых разглагольствованиях. Александр, которому Павел Егорович порядком надоел, описывал Антону отцовское времяпрепровождение: «Свои деньги мы прожили, заняли у Миши Чехова 10 руб. и те просадили и сидим плачем. Что хуже всего – потеряли всякую надежду получить место. Ходим каждый, каждый день в церковь и непременно, как ех-коммерческий человек, в биржу и слушаем толки о сербской войне и по обыкновению приходим домой ни с чем, за что нас встречают со слезами радости и фразой „Горькое мое произволение“, после чего мы разоблачаемся, вынимаем

из кармана печатное поучение, купленное в церкви у церковного старосты, и начинаем читать вслух. При этом нас все слушают и только изредка Художник хлопнет свою натуру по голове и закричит: „Господи Боже мой, да когда это ты, Миша, будешь сидеть хорошо? Поворотись в три четверти“. И затем после фразы „Тише вы, нехристи!“ порядок восстанавливается. По окончании чтения проповедь вешается на гвоздик с обозначением на ней №, числа и фразы: „Цена одна коп. серебром. Слава Тебе Господи“»⁴².

Михаил Чехов, конечно, мог ободрить бедных родственников и даже ссудить им десять целковых, но он был слишком занят у Гаврилова и личными делами, чтобы вызволять их из беды. Зима была тяжелой. Евгения Яковлевна жалуется не только на отсутствие еды, платья и надежды, но и на невнимание Антона: «Очень жаль, что вы нам не сочувствуете <...> мы от тебя получили два письма наполненными шутками, а у нас в то время-то только было 4 коп. и на хлеб и на сало, ждали от тебя, не пришлешь ли денег, очень было горько, должно быть, вы нам не верите, у Маши шубы нет, у меня теплых башмаков, сидим дома, заработать [швейной] машины нет <...> ради Бога скорей присылайте деньги <...> не дайте с печали умереть, вы сыты, сыт голоду не разумеет. Порви письмо. Е. Чехова. В холодной комнате спим на полу <...> а завтра, 26-го, где хочешь бери, а надо за квартиру 13 руб.»⁴³

Антон разжалобить было непросто. Вместе с письмом Александру он отправил в Москву железную дверную петлю, булочку, вязальный крючок и образ Филарета Милосердного. При этом он высмеивал неумение Евгении Яковлевны управляться со знаками препинания, и на ее поручение, начинающееся словами «Антоша в кладовой на полке...», ответил, что по розыскам никакого Антоши на полке не оказалось.

Брат Митрофан если и посылал деньги, то для того, чтобы заказать кое-что для себя, например мундир церковного старосты. Он рассчитывал, что Павел Егорович будет выполнять и другие поручения – продавать в Москве сочинения его настоятеля, отца Василия. От щедрот своих Митрофан хотел было послать с Лободой кофе и халвы – Евгении Яковлевне душу отвести, но тот сказал, что не возьмет ничего, что может просыпаться. Не смог он выслать Чеховым и столь необходимую швейную машинку – в ту зиму железная дорога грузы не перевозила, так как поезда были реквизированы в преддверии Русско-турецкой войны. Колины картины, предназначенные для продажи таганрогской родне, по той же самой причине застряли на вокзале в Москве. Митрофан писал брату и его жене: «Там без машины есть свободное время заняться когда-нибудь пером и сообщить таганрогцам о своем существовании <...> Я бы желал знать, задолжались ли вы там кому-нибудь или нет? Вы пишете, мой незабвенный брат, что у вас денег нет... хорошо. <...> Бог вас никогда не оставит».

К концу ноября на выручку пришел Егор Михайлович Чехов. Брат Митрофан торжественно объявил об этом в письме: «Все сие видя, он, старец, наш добрый родитель, и скорбя, и соболезнуя, сердечно благоизволит от своих малых трудов выслать вам, своему милому чаду, на пропитание вашего семейства сто рублей <...> Возблагодарим Господа...» На Рождество в Таганроге состоялся еще один семейный совет. Старик Егор Михайлович вызвал в дом Митрофана Г. Селиванова: тот предложил продать дом Павла Егоровича отцу или брату за те же 500 рублей, что он заплатил банку. Однако ни тот ни другой не смогли принять этого предложения. По разумению Селиванова, теперь он мог чувствовать себя свободным от всех обязательств перед Чеховыми. В следующем же году он въехал в дом вместе с племянниками Петей Кравцовым и Сашей Селивановой, а также позвал к себе Антона. Тому житье у Селиванова понравилось. Никто его здесь не притеснял, кроме, пожалуй, кухарки Явдохи – единственной прислуги в жизни Чехова, которая его недолюбливала, – она считала его дармоедом, на которого можно прикрикнуть, и отнюдь не хозяином, которого надо слушаться. Антон с Петей

⁴² ОР. 331 32 3. Письма Ал. П. Чехова А. П. Чехову. 1876. 27.09. См. также: Письма. С. 33–35.

⁴³ ОР. 331 33 126. Письма Е. Я. Чеховой А. П. Чехову. 1876–1904.

лихо – пальбой из ружья – встретили новый, 1877 год. Антон хвастался в письме к двоюродному брату Михаилу: «В комнате воняет порохом, и пороховой дым покрывает кровать, как туман; вонь страшная. Это, видишь ты, мой ученик пускает в комнате ракеты и подпускает вместе с тем своего природного, казацкого, ржаного, батьковского пороху из известной части тела, которая не носит имя артиллерии».

Чеховы Новый год встретили в тоске, даже несмотря на то, что таганрогские власти позволили Митрофану Егоровичу купить для брата и его жены годовой семейный паспорт – теперь они могли открыто жить в Москве. Пожалуй, лишь один Миша не унывал: поняв, что ему грозит работа посыльного в магазине Гаврилова, он обшарил всю Москву и наконец уговорил одного директора школы взять его к себе и подождать, пока не найдется попечитель и не заплатит за учебу. Зима стояла холодная, но у одиннадцатилетнего Миши даже и пальто не было, так что в школу приходилось бегать вприпрыжку. Сто рублей, присланные Егором Михайловичем, быстро разлетелись. Антону было велено продать пианино и выслать деньги в Москву. Туда же была отправлена и его выручка от трех частных учеников. Коле удалось продать картину, Александру – юмореску, но оба они тратили деньги лишь на себя – любили приодеться и не отказывали себе в выпивке. Когда Антон перестал посылать в Москву дешевый табак, Александр, не стесняясь, перешел на дорогие овальные сигареты «Саачи и Мангуби».

Деньги утекали во всех направлениях. Александр послал Антону 15 рублей, чтобы тот купил билет в Москву на пасхальные каникулы. Семнадцатого марта Антон впервые в жизни отправился в столицу, хотя никто не представлял себе, где взять деньги на обратный билет. Александр убеждал брата остановиться у него в Грачевке и не стремиться в переполненную родительскую квартиру: «Во-первых, потому что я живу один и, стало быть, ты мне не помешаешь, а будешь дорогим гостем; во-вторых, потому что у родителей всего две комнаты с пятичеловековым населением (живущий тут же пес не в счет), в-третьих, обстановка у меня гораздо удобнее, чем у них, и нет ни оподельдочков, ни Ма [*Евгении Яковлевны*], ни 2 Ма [*Маши*], вечно плачущей по каким угодно причинам. В-четвертых, нет у меня пьянствующей безобразной Гавриловщины, а в-пятых, живя у меня, ты будешь свободен делать что хочешь и идти куда хочешь».

А стены родительского дома беспрестанно сотрясались от дрызг. Коля по пяти раз на дню клялся, что съедет. Павел Егорович с женой никак не могли найти школу для Маши – учебный год был в разгаре – и громко жаловались на жизнь. Сестра вызвала Александра выступить миротворцем. Явившись, он застал такую картину: в кухне в перепачканном сажей пальто сидела дрожащая мать, а в комнате отец латал свою шубу, не обращая ни малейшего внимания на слезы изруганной им жены. Коля пытался писать портреты сородичей, но Павел Егорович выгонял художника с его «вонючими красками» на кухню. Время от времени Павел Егорович объявлял, что больше не собирается кормить свое неблагодарное семейство, и бормотал себе под нос: «Блажен муж иже не иде на совет нечестивых». Евгению Яковлевну обижало, что Александр живет сам по себе. Тот же объяснялся в письме Антону: «Я имею возможность иметь хорошенькую, удобную комнату, приличный, здоровый стол и чистое белье, а главное, тишину и спокойствие, где не раздаются плачи биемых и гласи биющих, где никто не чадит, не беспокоит и не мешает. <...> Никто из них ни разу не спросил меня, есть у меня деньги, откуда я их беру, чем зарабатываю и много ли их у меня? Им до этого дела нет. Они знают только, что ежемесячно в определенный срок получают 5 руб. от меня и не в счет абонементу раз восемь в месяц пришлют за деньгами займы (отдача на том свете горячими угольками). Они видят, что я всегда прилично одет, блещет белье, перчатки и цилиндр, и вполне убеждены, что я миллионер».

Александр не мог изжить из своего сердца Марию Файст, хотя теперь у него была в Москве женщина, которую он называл женою. Темперамент у него был буйный, под стать любимой присказке – «Хуй, пока железо». Так называемой женой была, возможно, Мария

Полеваева, его домохозяйка. Десять лет спустя Александр заявил, что оттого его жизнь не сложилась, что он в свое время не женился на Марии Файст. А в 1877 году, пробыв в разлуке с ней два года, он все еще хотел видеть ее своей невестой: «Разве я могу не любить ее или позабыть? Да будут покойны тятеньки и маменьки! Никакой черт не заставит меня жениться. Да будет ведомо им, что только она одна вступит хозяйкой в мой дом. Но это будет не раньше того, как я буду вполне обеспечен и заткну глотку родителям!»

Две недели пробыл Антон у Александра, в доме Марии Полеvaeвой на Грачевке, среди воровских притонов и непотребных заведений. Однако всего больше его занимали театры и крепнущая дружба со здравомыслящим двадцатипятилетним кузеном Михаилом Чоховым. Причем первый шаг к сближению сделал сам Михаил. Антон ответил на дружеское рукопожатие, сопроводив свой поступок рассуждениями в родительском тоне: «С какой же я стати буду отставать и не ловить благого случая, чтоб познакомиться с таким человеком, как Вы, и вдобавок я считал и считаю своей обязанностью почитать самого старшего из своих братьев и почитать того, кого так горячо почитает наша семья».

Кузен Михаил со товарищи стал наведываться к Чеховым. Опустошив изрядное число бутылок, они во весь голос принимались распевать церковные псалмы и народные песни – Павел Егорович, вспомнив таганрогское регентство, дирижировал хором. Женщины же – Евгения Яковлевна, Маша и Лиза, сестра Михаила, – приходили укрыть отбушевавших и уснувших вповалку мужчин.

По окончании пасхальных каникул Чеховым кое-как удалось наскрести денег на обратный билет Антону. Состряпали и медицинскую справку для предъявления инспектору гимназии в качестве оправдательного документа – к занятиям Антон опаздывал. Антон просил кузена Михаила не оставлять без внимания Евгению Яковлевну: «Будь так добр, продолжай утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. <...> У моей матери характер такого сорта, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная поддержка».

Москва взбудоражила Антона. Вернувшись, он написал для школьного журнала «Досуг» небольшой очерк, положив в его основу сцены таганрогской жизни. Майские экзамены тяжело дались ему. «Я чуть с ума не сошел через эти экзамены», – сказал он об этом Михаилу Чохову. Летом Антон в своих не лишенных пафоса письмах продолжал просить кузена присматривать за его матерью. Сыновняя привязанность к родителям выдержала испытание порками и жизненными невзгодами: «Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки».

Восемнадцатого июня из Таганрога в Москву отправился Ваня. Антон же получил приглашение в Калугу, на свадьбу сестры Михаила Чехова, просватанной за калужского торговца льняным полотном, – на это семейное торжество, затеянное с купеческим размахом, поехали также Александр, Коля и Маша (потом Александр сказал, что жених и невеста глупы как ослы). Однако никто не предложил Антону оплатить дорогу в Калугу, и ему пришлось остаться дома.

Глава 8

Сам по себе

1877–1879 годы

В августе 1877 года Антон пошел в седьмой, предпоследний класс гимназии. Лето он провел у Кравцовых, в степях у Рагозиной балки, потом побывал у Ивана Селиванова, где объездил верхом все соседние хутора. В Таганроге он продолжал жить под одной крышей с Гавриилом Селивановым и его племянниками. Сочинял. Законченные сценки и стихи посылал через Александра в журналы, например «Будильник», подписывая их Крапива. Кое-что было отвергнуто, однако ничего не сохранилось.

В конце 1877 года и в начале 1878-го Антон решил попробовать себя в драматургии. (Известно, что еще в 14 лет он переделал в пьесу гоголевского «Тараса Бульбу».) В восемнадцатилетнем возрасте он сочинил водевиль «Нашла коса на камень» и первую серьезную пьесу «Безотцовщина». Ее название вполне соответствовало тогдашней его таганрожской жизни, но о чем была пьеса – мы не знаем⁴⁴. В октябре 1878 года Александр высказал свое суждение по поводу пьесы: «В „Безотцовщине“ две сцены обработаны гениально, если хочешь, но в целом она непростительная, хоть и невинная ложь. <...> „Нашла коса на камень“ написана превосходным языком и очень характерным для каждого там выведенного лица, но сюжет у тебя очень мелок. Это последнее писание твое я, выдавая для удобства за свое, читал товарищам <...> Ответ был таков: „Слог прекрасен, умение существует, но наблюдательности мало и житейского опыта нет“».

Мы уже знаем, какие книги брал в библиотеке и какие спектакли смотрел Антон в 1870-е годы. Собственные же книги Чехова гораздо меньше отражают его интересы. Возможно, что книги 1860-х и 1870-х годов были куплены позже – будучи гимназистом, он мало чего мог себе позволить. Похоже, что первые из самостоятельно приобретенных Антоном томов – это переводы «Гамлета» и «Макбета» изданий 1861 и 1862 годов, причем «Гамлета» Антон читал в гимназии – в пяти местах он подписан его фамилией, а на полях сохранились сделанные им карандашные пометки. Некоторые книги пронумерованы: молитвенник издания 1855 года имеет номер 63, «Гамлет» – номер 82, «Макбет» – номер 8, а под номером 85 уже идет медицинский учебник, вышедший в 1881 году. Не исключено, что в отроческие годы у Антона был и русский перевод «Фауста» Гете, вышедший в 1871 году, и нашумевшая книга Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях» издания 1803 года⁴⁵.

Однако не о занятиях литературой, а о карьере врача помышлял Антон, собираясь после окончания гимназии отправиться в Цюрихский университет – медицинскую Мекку русских студентов. Александр, отговаривая его от этих намерений, составил для него описание российских университетов, куда вошли и прославленный немецкий университет Дерпта, и армянская академия в Нахичевани, где обучали «стрычь, брыть и мозол вирезывать». Сам Александр был очень доволен своей учебой на физико-математическом факультете Московского университета. Он и брата старался нацелить на Москву.

Антон твердо решил поступать в университет. В июне он объявил Александру, что «заставил отчалить всех барышень от себя». На это брат ответил: «Не нужно быть поклонником баб, но не нужно и бегать их». После московских спектаклей потерял свою привлека-

⁴⁴ В России это название перенесли на другую пьесу, известную как «Платонов», но последняя не имеет ничего общего с «Безотцовщиной» и появилась в 1880-е годы.

⁴⁵ Книжки из библиотеки Чехова растащили родные и друзья; многое пропало в переездах или было отдано в школы, тюрьмы и библиотеки. См.: *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 210–418; *Ханшило А. В.* Пометки на книгах Чехова. Берлин, 1994.

тельность и таганрогский театр. «Хижина дяди Тома», одна из самых удачных постановок, теперь казалась не более чем слезливой драмой. Несмотря на то что в 1878 году власти изъяли из публичной таганрогской библиотеки более трехсот «бунтарских» книг, она по-прежнему оставалась для Антона важнейшим питающим источником, и чтение его стало более серьезным. Он даже старшим братьям советовал прочесть статью Тургенева «Дон Кихот и Гамлет» – о русском антигерое, оказавшем влияние на литературных персонажей самого Чехова, которые у него, как и у Тургенева, либо деятельные, но не рассуждающие донкихоты, либо умствующие, но ничего не делающие гамлеты.

Настойчивые просьбы из Москвы о присылке денег для семьи, а также табака и папиросной бумаги для Александра не прекращались. В ответ Антон попросил прислать ему чертежный инструмент, однако Александр сказал, что это слишком дорого. На просьбу переслать ему конспекты по химии Александр ответил, что Антон ничего в них не поймет. Ему также нужны были логарифмические таблицы, но и те оказались Павлу Егоровичу не по карману.

В Москве появились первые проблески надежды. Константин Макаров, с которым Антон свел знакомство в свой приезд на Пасху в 1877 году, пригласил Машу на бал в кадетское училище, где он служил учителем рисования. Там она познакомилась с ученицей епархиального женского Филаретовского училища и последовала примеру брата Миши – пошла к архиепископу Московскому просить об освобождении от уплаты за учебу. Тот ответил: «Я не миллионер» и в просьбе отказал. Тогда таганрогский сотоварищ Павла Егоровича, купец Сабинин, сжалился и предложил деньги. Машу быстро подготовили для поступления во второй класс, и в августе она была зачислена в Филаретовское училище. Потом и Мише удалось найти благодетеля – за его учебу стал платить И. Гаврилов. Евгении Яковлевне же пришлось заложить золотые браслеты, чтобы заплатить за квартиру. Между тем у Павла Егоровича стали возникать мысли о возвращении домой – как ему сообщили, в Таганрог вернулся и снова начал свое дело один из разорившихся купцов; почему бы и Чехову не сделать то же самое? Поступило кое-какое вспоможение – сестра Александра Егоровна прислала через брата Митрофана 3 рубля, отец Филарет, казначей церковного Братства, пожертвовал рубль, а старый сослуживец Павла Егоровича не пожалел и двух. Кто-то из таганрогской управы дал понять, что если Павел Егорович вернется, то ему найдут должность с жалованьем 600 рублей в год. В июне Митрофан Егорович подбадривал брата: «Веруйте, что Господь Вас и нас не оставит. Тяжело многим, кроме Ивана Ивановича Лободы да Гавриила Парфентьевича Селиванова; этих только, вероятно, нужда не коснется никогда; они ограждены с детства Провидением».

В Москве Павлу Егоровичу предложили место в управе благочиния, но вскоре уволили: при том, что заупокойную службу или проповедь он вполне был способен составить, написать служебную бумагу ему совершенно было не под силу. В конце сентября он вывесил на стене квартиры «Росписание делов и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семейства Павла Чехова, живущего в Москве», где определялось, кому когда вставать, ложиться, обедать, ходить в церковь и какими делами заниматься в свободное время: «Чехов Михаил, 11 лет, Чехова Мария, 14 лет: Хождение неотлагательное в церковь ко всенощному бдению в 7 часов и ранней обедне в 6½ и поздней в 9½ часов по праздникам».

Мише надлежало «вытирать сапоги тряпкой», а Маше – «чесать голову поокуратней». Затем следовало примечание: «Неисполняющие по сему росписанию подвергаются сначала по строгому выговору, а затем наказанию, при коем кричать воспрещается. Отец семейства Павел Чехов». Мише доставались тумаки за то, что он вставал на 8 минут позже или забывал заглядывать в расписание. В этом случае следовал приказ: «Ты встань и посмотри на росписание, не пора ли тебе вставать, если еще рано, так поди опять ляжь».

Из-за пары брюк между Павлом Егоровичем и Ваней вышла ужасная ссора. Александр описал этот эпизод в письме Антону от 1 октября: «Отец семейства разбудил утром члена семейства Ивана Чехова и послал его без штанов в сарай за штанами. По поводу сих шта-

нов между отцом и членом семейства последовало препирательство, закончившееся тем, что член семейства отправился в сарай и начал там искать штанов, а отец семейства последовал за ним и по-таганрогскому начал учинять мордобитие. Оскорбленный таким жестоким обращением член семейства Иван Чехов 17 лет разверз гортань и начал во всю мочь апеллировать. Сбежавшиеся на крик хозяева дома и члены семейства заставили отца семейства устыдиться и отпустить члена. За сим последовало со стороны хозяев объяснение и внушение с указанием на ворота, при чем отец семейства невиннейше улыбался...»

Спасение пришло от И. Гаврилова: 10 ноября, просидев без дела полтора года, Павел Егорович был устроен к нему в амбар. За 30 рублей в месяц, стол и квартиру при магазине бывший купец второй гильдии пятидесяти двух лет должен был, как младший приказчик, вертеться с рассвета до поздней ночи. Ему разрешалось приносить домой сахар (который перепадал и Мишиному щенку Корбо). «Росписание делов» со стены было снято. После работы в магазине времени на ссоры не оставалось; теперь наставления Павла Егоровича о том, как следует торговать и жить, приходилось выслушивать гавриловским приказчикам – из-за этого он получил прозвище Учитель нравов. Из сурового домоправителя Павел Егорович превратился в изредка захаживающего родственника, хотя сам не признавал потери своего статуса. Евгения Яковлевна стала меньше лить слезы. Коля работал дома, мечтая получить золотую медаль; его друг, безнадежно больной туберкулезом художник Хелиус (известный также как Наутилус) на какое-то время поселился у Чеховых. Колина слава росла – он теперь расписывал декорации для богатого мецената.

В августе Антон писал Михаилу Чохову, прося его похлопотать перед Гавриловым за своего кузена Алексея Долженко. Старик Гаврилов не только взял к себе на работу Павла Егоровича, но и оплачивал обучение Миши, а теперь пообещал, что с февраля найдется место и для Алексея. Что заставило Гаврилова смягчиться душой? Можно не сомневаться, что за Павла Егоровича его просил Михаил Чохов: хоть и разгульный по натуре, кузен, как и его родня, был человек добросердечный.

Павел Егорович решил разделаться с мелкими долгами, например, заплатить старой няньке. Ему уже мерещились золотые горы. Тридцатого декабря он заявил: «Антоша! Когда кончишь учение в Таганрогской Гимназии, то непременно поступай на медицинский факультет, на что мы тебя благословляем. Сашин выбор был легкомысленный, без нашего желания, а потому идет без всякого успеха». На самом же деле Александр прекрасно успевал во всем, начиная со Священного Писания и кончая физикой, однако уже не считал себя должным угождать отца, от которого больше не зависел. Теперь, когда Павел Егорович дневал и ночевал у Гаврилова, Александр вернулся к матери, домочадцам и собаке. Антон же, в отличие от Александра, пусть для проформы, но все же советовался с отцом. Даже Колины художества получили отцово одобрение. В январе Павел Егорович писал Антону: «Мы желаем, чтоб ты имел такой характер, который носит в себе брат твой Коля! <...> Поведением своим он приобрел себе хороших товарищей <...> Нас ничто уже на свете не веселит, одно только утешение нам *наши дети*, если они будут хороши»⁴⁶.

Павел Егорович пресекал в детях всякое своеволие. Антон как-то написал ему об «убеждениях», на что тот ответил ему: «Наши собственные убеждения не будут хлебом кормить, а вот я служу г. Гаврилову по его убеждению». Отец ввел в смущение Антона и тем, что попросил священника Федора Покровского взять юношу под свою опеку. Старший Чехов все еще вынашивал какие-то хитрые планы выкупить дом. Признавая, что Селиванов, возможно, с домом не расстанется, он все же надеялся получить назад потерянный капитал. Об этом он писал брату Митрофану: «Итак, дорогой мой Брат, если возможно выкупить наш дом хоть за Афонские деньги для Монастыря <...> дом будет принадлежать монастырю и доходы будут

⁴⁶ ОР. 331 81 19. Письма П. Е. Чехова А. П. Чехову. 1878.

в процент за деньги, а когда в Таганроге дела поправятся <...> то просить разрешения продать его»⁴⁷.

Митрофан решительно отверг эту идею в ответном письме: «Деньги афонских отцов, хранящиеся в отделении Государственного банка в Таганроге, есть единственный сбор отца Филарета в Одессу <...> Отец же Филарет при всей его доброте радуется бедствиям тех людей, которые живут не так, как он живет <...> Я скажу ему откровенно, что плохо торгую, расходы не покрываю, чтобы не упрекнуть вами».

Первое письмо от деда, Егора Михайловича, в новом, 1878 году было душераздирающим: «Мать твоя, Павел Егорович, непостижимою болезнью уже близко двух лет крепко страдает, действовать не может ни ногами, ни руками, высохли у ней не только тело, но и кости как щепки, лежит в постели недвижимо, вдобавок того в недавнем времени состоялась головная болезнь, опухоль лица всего как подушка и состоялись повсюду водяные пузыри и теперь не видит небесного света. Она страдает, а я убит до изнеможения духа и сил моих, часто повторяет и просит у Бога смерти, которой еще не пришел час, в он еже пойдеше душе, ее кормят и поят чужими руками, когда ближних нет, она в этой скорби часто призывает Господа, она сетует, стонет день и ночь, бьется как рыба об лед, вспоминая прошедшее благополучие и настоящее неблагополучие, говорит, я породила и видела у себя детей, но их нет, они разошлись по лицу земли, они бы мне теперь помогли и пожалели при такой моей нужде».

⁴⁷ РГАЛИ. 331 81 25. Письма П. Е. Чехова М. Е. и Л. П. Чеховым. 1876–1893. Письмо от 2.02.1878.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.